Спящие секреты

Автор:
Евгений Прядеев

Спящие секреты

Евгений Прядеев

Ходящий по снам

Когда мы мечтаем – мы позволяем себе многое. А когда спим, то вообще способны сравниться с супергероями. Во сне мы такие, какие есть на самом деле. Мы храним здесь самые большие секреты и самые страшные тайны… Вот только мы не знаем, что кто-то может прийти в наши сны и тогда самое тайное обязательно станет явным…

Евгений Прядеев

Спящие секреты

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными людьми, нелюдьми, а также тварями, считающими себя людьми, абсолютно случайны. Аналогии с местами, учреждениями, любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями – не более чем плод фантазии. А если подобное случится в будущем, то автор будет гордиться, что Провидение тоже читает его книги.

Глава 1

Игорь

Мокрая земля под ногами чавкала. Непроизвольно Игорь задумался, что большинство людей почему-то не любят грязь, стараются обходить её стороной и крайне недовольны, стоит им хоть чуть-чуть запачкать свою давно уже заношенную обувь. Впрочем, чего ещё ждать от обыденной серой массы, не способной вынести какое-нибудь самостоятельное суждение? Кто-то когда-то давно сказал, что человеку до?лжно быть чистым, и вот – получите, распишитесь. Быдло с маниакальной страстью стремится к внешней и внутренней стерильности, наивно полагая, что именно так они смогут занять достойное место в пищевой цепочке.

На самом деле все подобные мысли – не более чем признак слабости. Природа не терпит пустоты и способна существовать полноценно только в гармонии, а значит, чистота невозможна без грязи. Чтобы отмыться полностью, перед этим обязательно надо испачкаться.

Эти прописные истины были известны Игорю с самого детства, они буквально вросли в него, и он искренне не понимал, когда кто-то ставил такое положение вещей под сомнение. Как можно не верить в то, что по утрам на небе появляется солнце? Может быть, вы ещё не в курсе, что после весны наступает лето?

Страх. Банальный страх показаться в глазах окружающих плохим или непонятым толкает людей на слепое соблюдение общепринятых правил. Именно поэтому успеха добиваются единицы! Уникумы! Не боящиеся перестраивать этот мир под себя! Такие, как он! Личности!

Дорога к Убежищу была знакома до самой последней кочки, поэтому Игорь, заходя в лес, даже и не подумал включить фонарь. Зачем? Он бегал здесь ещё десятилетним пацаном и с тех пор столько раз проходил по знакомым тропинкам, что вполне способен гулять от самого дома до Убежища с закрытыми глазами.

Порыв свежего ветра забрался под куртку, и по телу непроизвольно побежали мурашки, заставляя поёжиться и поднять воротник у ветровки. Осень в этом году пришла неожиданно. Казалось бы, только вчера с неба светило жаркое солнце, а потом абсолютно внезапно на город налетели дожди. Да и само солнце теперь было не разглядеть за тяжёлыми, почти чёрными тучами, что нависали

над землёй так низко, что порой казалось – они вот-вот упадут тебе прямо на плечи и раздавят в плоскую лепёшку.

Сейчас же про солнце нечего было и думать. Вечер давно вступил в свои права, ожидая ночь, а здесь, в лесу, и вовсе царила кромешная тьма.

Впрочем, подобные мелочи не могли испортить ему настроение перед планируемым удовольствием. Игорь уже находился недалеко от Убежища, и ему казалось, что он может слышать доносящиеся из-под земли крики. Разумеется, это лишь плод его фантазии, но даже такая мелочь подняла и без того прекрасное настроение.

Эту неприметную дверь, замаскированную между двумя валунами, они с другом нашли абсолютно случайно. Помнится, поначалу даже жутко перетрусили и не хотели лезть внутрь, опасаясь столкнуться с чем-то таинственным или откровенно страшным.

Но потом мальчишеское любопытство всё-таки взяло верх и после долгих усилий удалось провернуть рычаг, запирающий дверь. К удивлению ребят, кроме щелчка запора, они не услышали ни скрежета, ни скрипа. Складывалось такое ощущение, что этот вход к тайне используется каждый день, но запах затхлости и спёртого воздуха помог им не пуститься наутёк, подальше от странного помещения.

Кто и когда построил этот бункер, Игорь так никогда и не выяснил. Скорее всего, он был частью какой-то системы потайных ходов или убежищем, но как узнать точно, не приведя за руку знающего человека, Игорь не представлял.

Раскрывать же тайну случайному человеку наверняка было верхом глупости, и друзья, проколов перочинным ножом кожу на пальцах, скрепили кровью страшную клятву. Никогда и никому не раскрывать тайну Убежища.

Поначалу Игорю казалось, что подобное в принципе невозможно. Лес, начинавшийся сразу под окнами их дома, являлся излюбленным местом променада очень многих жителей города. Здесь было достаточно уютно гулять влюблённым парочкам, комфортно раздавить пузырь на троих работягам завода, а уж в тёплую погоду по выходным… На шашлыки в лес выходили семьями и большими компаниями, так что назвать глухоманью место расположения

Убежища можно было только при очень и очень большой фантазии.

Однако годы шли, а тайна заветного места оставалась в неприкосновенности.

Каждый раз, подходя к заветной двери, Игорь ждал, что она окажется открыта, а внутри расположились на постой какие-нибудь бомжи или просто местные забулдыги. Не то чтобы он боялся этого, внутри не было ничего такого, что могло указать на личность самого Игоря. Просто Убежище давно стало частью его жизни и терять этот небольшой, но крайне важный кусочек бытия совсем не хотелось.

Впрочем, Убежище и само как будто бы подчёркивало исключительность Игоря и его тайны.

Иногда ему казалось, что скрытая под землёй комната отпугивала случайных прохожих, в том числе и таких же любопытных подростков, каким он сам был в далеком детстве. Мало-помалу мужчина начал привыкать, что тайна Убежища только его. Вернее, на двоих с другом… Только спустя месяцы Игорь понял, как невыносимо больно делить с кем-то сокровенную тайну. Но друг всегда был рядом, и право находки принадлежало ему в равных с Игорем правах. Равных… К сожалению….

Вот и приметный дуб, одиноко растущий на небольшой полянке в окружении берёз. От него надо свернуть немного в сторону, и буквально через пару шагов будет вход в Убежище. От предстоящего удовольствия Игорь даже зажмурился, а затем прислушался, не доносятся ли всё-таки из-под земли какие-нибудь звуки.

Хотя такого никогда не случалось, подсознательно он всегда боялся, что жертва сможет освободиться от кляпа и начнёт кричать. Тогда его тайна непременно будет раскрыта, а этого мужчине очень и очень не хотелось. Ведь так приятно, когда у тебя есть собственное небольшое Убежище, в котором можно получать поистине неземное удовольствие.

Внезапно Игорь остановился. Несколько раз моргнул, а затем, стараясь делать всё как можно тише, вздохнул пару раз, стараясь унять приступ внезапной паники. Лелеемые столько лет опасения превращались в ужасную реальность. Игорь моргнул ещё раз и понял, что ему не кажется.

Возле входа в Убежище стоял какой-то человек. Брезентовый плащ скрывал очертания фигуры, а накинутый капюшон вообще не давал возможности опознать неизвестного. Теперь темнота уже не казалась Игорю настолько безопасной. Кто-то посмел посягнуть на его Убежище!

Стараясь не производить громких звуков, он спрятался за деревом, чтобы проследить за неизвестным. Игорь старался не дышать, но затем осознал, что его буквально трясёт от нахлынувших эмоций. Кто? Кто сумел найти столько лет скрываемую тайну и посягнуть на её неприкосновенность?

Игорь чувствовал, как где-то глубоко внутри груди разгорается пламя ненависти к неизвестному. Он был готов вцепиться ему в горло и душить, пока не почувствует последний вздох незнакомца. Но это можно сделать и позже. Сейчас важно понять, что именно известно человеку, нашёл ли он только дверь в Убежище или уже спускался внутрь.

Внезапно человек в плаще обернулся и посмотрел прямо на Игоря. Это было невозможно, но казалось, что незнакомец прекрасно видит в темноте, и даже за деревом невозможно спрятаться от его пронзительного взгляда.

Кто это? Почему он ведёт себя так вольготно? В груди появились огоньки гнева. От возмущения стало трудно дышать и захотелось громко закричать, прогнать незваного гостя, позволившего себе растоптать грязными сапогами самую сокровенную тайну Игоря.

Это было его Убежище! Его и ничьё больше. Он не хочет ни с кем делиться своим удовольствием, потому что оно только его.

Сломавшийся привычный ход вещей раздражал, потому что мешал получить удовольствие. Вернее сказать, теперь Игоря раздражало вообще всё, даже это нелепый плащ, скрывающий фигуру незнакомца и не дающий разглядеть незваного гостя подробнее.

Внезапно ночной посетитель взмахнул руками, и на его ладони возник маленький светящийся шарик. В колдовство Игорь никогда не верил и в первую секунду подумал, что неизвестный просто достал светлячка откуда-то из недр рукавов своего необъятного плаща. Однако огонёк внезапно спрыгнул с ладони

и медленно поплыл по воздуху в сторону Игоря.

Первой мыслью было убежать. Развернуться и нестись в сторону дома, туда, к аллеям возле домов, уютно освещаемых высокими фонарями. Туда, где цивилизация, где ходят другие люди, все, как один, без капюшонов и с открытыми лицами.

И, может быть, эта мысль и была самой правильной, вот только ноги Игоря отчаянно отказывались ему повиноваться. Липкий страх уже обвил крепкими щупальцами всё тело, поэтому оставалось только стоять на месте, вцепившись руками в ствол дерева, и молиться, что пронесёт.

Кто же этот загадочный мужчина в плаще с капюшоном? Что он делает здесь и как сумел найти Убежище? Почему это произошло сегодня, в тот вечер, когда Игорь рассчитывал расслабиться и получить очередную порцию так нужного ему удовольствия?

Все эти мысли проносились в голове со скоростью курьерского поезда, даже не пытаясь затормозить и задержаться хотя бы ненадолго. Сознание вообще как будто бы разделилось на две части. Одна продолжала мыслить и рождать ворох абсолютно бесполезных размышлений, а вторая внимательно следила за приближающимся к дереву огоньком.

Теперь Игорь уже не думал о светлячке, может быть, какой-нибудь миниатюрный летающий дрон? Или видеокамера? Неизвестно, до чего докатилась техника в этом стремительно меняющемся мире.

Огонёк подлетал всё ближе, медленно и неумолимо, и почему-то теперь этот маленький предмет казался гораздо более опасным, чем неизвестный человек в плаще, отпустивший его на волю.

Захотелось спрятаться, но оказалось, что у Игоря обездвижены не только ноги. Ладони буквально прилипли к стволу дерева, за которым он прятался. Внизу живота похолодело, а потом вверх по телу начала подниматься волна звериной первобытной паники.

Судя по всему, неизвестный всё-таки пришёл за ним. Сейчас он умрёт. Других вариантов для себя Игорь уже не видел. Кто же это такой? Полицейский? Да нет,

вряд ли. Правоохранительные органы ведут себя совсем по-другому. Может быть, это друг или родственник девушки, которая покорно дожидается своей участи в Убежище? Но как он сумел найти это место? Как отгадал тайну, тщательно скрываемую столько лет?

Огонёк повис прямо перед лицом, как будто рассматривая Игоря. Странное дело, висящий предмет не имел никаких признаков технического устройства. Это был просто сгусток света, шарик, не дающий тепла и разгоняющий тьму в крохотном диапазоне вокруг себя.

Ещё раз дёрнувшись всем телом, Игорь убедился в собственной беспомощности и закрыл глаза, покорившись судьбе. От него сейчас уже ничего не зависело.

– А ты так и остался трусом, – донёсся до него голос неизвестного. Знакомый голос. Слишком знакомый, чтобы оказаться правдой.

– Кто ты? – попытался крикнуть Игорь, но слова как будто бы застряли в горле, а наружу вырвалось лишь нечленораздельное сипение.

– А кого бы ты хотел здесь встретить? – Насмешливый вопрос убедил Игоря в том, что ему всё-таки не послышалось. Человеком в капюшоне действительно был Лёша.

Но это же невозможно. Его нет. Лёша умер. Умер много лет назад, и в этом не может быть никаких сомнений.

– Что же ты молчишь? – Теперь голос человека в капюшоне звучал ещё более язвительно. Игорю показалось, что огонёк перед глазами тоже улыбается его бессилию и как будто бы подмигивает ему.

– Тебя нет, – наконец справился со своим горлом Игорь. – Ты умер! Я сам убил тебя!

– Даже так… – Голос из насмешливого стал удивлённым, и Игорь снова засомневался, что верно распознал говорившего. Впрочем, это и правда не мог быть Лёша. Его друг детства давным-давно лежал в земле. Глубоко в земле, так глубоко, как только смог закопать пятнадцатилетний подросток. Тогда кто этот

мужчина в плаще и с капюшоном?

– Сколько лет ты думаешь обо мне? – Голос из удивлённого снова стал насмешливым. – Интересно, что ты чувствуешь сейчас? Не ожидал меня встретить?

– Кто ты? – прохрипел Игорь, чувствуя, как крупно дрожит всё его тело. Зубы стучали друг об друга, и, возможно, стоило соврать, что ему просто стало холодно, но какой смысл рассказывать сказки самому себе, если на самом деле отчаянно, до дрожи в коленках страшно.

То, что происходило с ним сейчас, не поддавалось никакому объяснению. Алексей не может быть жив и разговаривать с ним сейчас. Игорь убил его много лет назад, убил собственными руками. Это воспоминание преследовало Игоря очень давно, но, с другой стороны, кто ещё, кроме Лёхи, мог найти Убежище?

– Ты знаешь, кто я такой, – послышался снова насмешливый голос. Вот только чей голос? Неужели его друг детства и впрямь восстал из мёртвых? Зачем? Чтобы отомстить за свою смерть?

– Любишь мучить слабых? – Огонёк перед лицом несколько раз дёрнулся, как будто выражая своё недовольство. – Кого ты спрятал в бункере?

Он не знает? Игорь испытал ни с чем не сравнимое облегчение. Может быть, всё не так уж и плохо и они сумеют договориться? Если Лёша жив, то они обязательно сумеют найти общий язык. В конце концов, они же так дружили. Они доверяли друг другу любые тайны, делились самыми сокровенными секретами. Если нужно, то Игорь готов поделиться и секретом своего Убежища. Их общего Убежища!

Лёша наверняка поймёт его секрет, он всегда понимал его и принимал участие во всех, даже самых безумных проделках.

– Ты стал чудовищем! – Теперь голос друга звучал грустно и осуждающе. – В твоей душе поселилась тьма, и ты заботливо воспитываешь в себе эту гнусную черноту.

– Ты не понимаешь, – попытался оправдаться Игорь, но Алексей как будто не слушал его.

– Неужели в жизни нет никаких других развлечений, кроме как причинять кому-то боль и страдание? – Складывалось ощущение, что друг детства обращается вовсе не к Игорю, а просто разговаривает сам с собой. – Что это? Детские комплексы? Недостаток внимания или желание почувствовать себя всемогущим? Кто дал тебе право посягать на чужую жизнь и считать, что ты можешь отнять её у кого-то?

Игорь молчал, впрочем, ответа от него и не ждали. Замолчал и Алексей, буравя взглядом пойманного в ловушку друга детства. От такого внимания становилось не по себе. Игорь почувствовал себя бабочкой, нанизанной на иголку, которую внимательно рассматривает пытливый глаз энтомолога.

В этот момент огонёк дёрнулся и резко ударил прямо в лоб Игоря. Острая боль пронзила всё тело, до самой последней клеточки. Рот раскрылся для крика, но в груди не оказалось ни капли воздуха. Колени Игоря подломились, но, падая, он сумел наконец увидеть лицо своего друга детства. Оно совсем не изменилось, несмотря на все прошедшие годы.

Алексей стоял, широко расставив ноги. Капюшон был откинут, а плащ оказался расстегнут и всего лишь наброшен на не очень мускулистые плечи. Губы друга детства скривились в презрительной усмешке, а глаза оставались предельно серьёзными.

Игорь протянул к нему руку, желая всё-таки напоследок извиниться, но не успел…

Громкая музыка группы «Ленинград» в лесу звучала максимально неуместно. Казалось, что в каждом дереве помещены огромные динамики, из которых льются звуки басов и барабанов. Игорь недоуменно смотрел на фигуру Алексея, которая на его глазах становилась прозрачной.

Боль в голове постепенно исчезала, превращаясь в назойливое гудение. Игорь почувствовал, что вокруг начинает светлеть, а затем…

Проснулся…

Глава 2

Даниил

Нет, ну ведь носит же как-то земля таких по белому свету!

Даня чувствовал, что не просто возмущён, а буквально взбешён только что увиденной картиной. Его немного потряхивало от прикосновения к подобной мерзости, а в душе росло чувство огромного сожаления, что эта падаль так легко сумела смыться от справедливого возмездия.

Поначалу он даже не сразу сообразил, что его выкинуло в сон другого человека. Такого никогда не было, но эти серые твари так испугали Данилу, что он уже плохо соображал, что происходит. Иванов начал орать, затем появились оскаленные пасти и одна из них почему-то вцепилась в тело несчастного бизнесмена…

Впрочем, поделом ему. Тоже сволочь та ещё! Хотя этого маньяка стоило бы поискать и в реальном мире. Такие сны на пустом месте не возникают. Бункер, связанная девушка… Вот только не рассказывайте, что в обычной жизни похожие сны снятся добропорядочному продавцу-консультанту из магазина «Пятёрочка». Расчленение коллеги – святое дело, Даниил и сам периодически о таком задумывался, но издевательство над беззащитной девушкой…

Впрочем, рассусоливать и заламывать локти времени всё равно не оставалось. Раз этот урод проснулся, значит, и сон его скоро растает, превратившись в дымку. Пора заканчивать ночные похождения и сматываться самому, пока его не настигли те злобные твари.

Мелодичный перезвон объяснил Даниилу, что думать надо было быстрее. Обернувшись, парень увидел, как серые полупрозрачные тени возникают буквально из воздуха и стремительно сжимают кольцо вокруг него.

Длинные круглые тела отдалённо напоминали змей, вот только змеи не умели летать, да и пасти у них вряд ли были украшены таким количеством острых

даже на вид зубов. Особенно пугающим выглядело то, что у неизвестных существ напрочь отсутствовала морда, по крайней мере в её привычном для Даньки представлении. Только толстое, размерами с ногу тело и пасть вместо головы, увенчанная клыками.

Эти невиданные раньше твари двигались абсолютно бесшумно, не считая мелодичного перезвона, такого же, какой присущ детским каруселям над кроватками. Ничего подобного раньше Даниилу во снах не попадалось.

«А бабуля не зря говорила, что здесь опасно», – с тоской подумал парень, прикидывая, как именно будет отбиваться, но в голову не приходило ничего путного.

«Это всего лишь сон, – успокаивал себя Даниил. – Надо проснуться, и всё исчезнет! Обязательно исчезнет!»

Проблема была в том, что проснуться никак не получалось. Данька метался взглядом от одной твари к другой, пытался себя ущипнуть, прикусить язык, щеку, но ничего не происходило. Только сужающийся круг серых тварей и мелодичный перезвон в ушах.

«Да и хрен с вами!» – сплюнул себе под ноги Данька, выпрямляясь и прикидывая, какую тварь ударить первой.

– Сгиньте! – в отчаянии выкрикнул юноша. – Вы всё равно ничего мне не сделаете!

– Сделают-сделают, – раздавшийся голос прозвучал в ушах Даньки набатом. Он моргнул и понял, что теперь не одинок в своём сне.

Перед ним буквально в нескольких шагах стояла высокая статная женщина. Она уже явно перешагнула рубеж непорочной юности, но относилась к той редкой категории женщин, которые с годами только хорошеют. Правильные черты лица, царственная осанка и сексуальная фигура, изгибы которого подчёркивались длинным белым платьем.

– Здрасьте. – Даниил никогда не славился мастерством общения с девушками, а при виде такой шикарной женщины практически потерял дар речи.

– Как ты смеешь, червяк, разговаривать со мной столь непочтительно? – голос женщины прозвучал набатом, как будто усиливаемый десятком громкоговорителей. – На колени!

Даниил почувствовал, как на плечи навалилась неимоверная тяжесть. В ушах откуда-то взялся тоненький детский голосок, который буквально уговаривал парня не сопротивляться и покориться воле незнакомки.

«Ну поклонись! Сдайся! Встань на колени!» – просил голос ребёнка, а давление на плечи с каждой секундой становилось всё сильнее. Даниил почувствовал, как дрожат и слабеют его колени, а затем понял, что это лишь морок и он вполне может выпрямиться.

Парень вскинул вверх руки и изобразил причудливый пируэт. С учётом того, что давление на плечи внезапно исчезло, выглядело подобное со стороны наверняка очень забавно.

– Однако, – с интересом склонила голову к плечу незнакомка. – Люди и впрямь стали сильнее, чем раньше.

– Извиниться бы, – буркнул Даниил, разминая шею медленным круговым движением. – Я вам ничего не сделал, чтобы ругаться.

При этих словах перезвон вокруг усилился, а движения зубастых тварей стали ещё быстрее и стремительнее. Даниил же не испугался, а, наоборот, почувствовал уверенность в себе. Наверное, виной всему щедро хлынувший в кровь адреналин, но в данной ситуации он был абсолютно нелишним.

– Что сделать? – От возмущения женщина всплеснула руками, а затем неожиданно забыла про театральные жесты и спросила вполне себе нормальным тоном: – Юноша, ты действительно собрался умереть?

– Здрасьте-приехали, – усмехнулся Даниил. – С какой стати мне умирать? Это сон, и всё вокруг скоро исчезнет, а я проснусь и забуду о нашем мимолётном

знакомстве.

– Какая милая наивность, – рассмеялась женщина. Она сделала едва видимое движение рукой, и в ту же секунду одна из тварей выскочила из мельтешащего вокруг них хоровода. Не успел Даниил и глазом моргнуть, как в его руку чуть выше запястья вцепились сотни маленьких, но очень острых зубов, а из глаз непроизвольно хлынули слезы.

– Вот теперь о нашей встрече ты точно не забудешь.

Женщина продолжала улыбаться, но наваждение обворожительности и правда исчезло в мгновение ока. Нет, незнакомка не подурнела собой, как часто показывают в иностранных мультфильмах, но её красота сейчас казалось какой-то ледяной и опасной.

Ещё одно движение руки – и тварь разжала зубы, немедленно возвращаясь в продолжавший вертеться круговорот серых теней.

– То, что мой муж ушёл за Кромку, не даёт людям права нарушать установленные им законы, – медленно, чеканя каждую букву, проговорила женщина, внимательно наблюдая за баюкающим свою руку Даниилом. – Ты пришёл в его владения, не спросив на то дозволения. Ты нарушаешь сны других людей, что не дозволено даже богам. Ты преступник и должен понести за это наказание.

Происходящее казалось глупым розыгрышем. В других обстоятельствах Даниил бы, вероятно, вообще подумал, что просто-напросто спит, но сейчас это было решительно невозможно. Он и так чётко знал, что не спит, а происходящее вокруг него – остатки сна совсем другого человека. Странные, правда, остатки, но тут уж ничего не попишешь. Играем с теми картами, которые сдали.

– Природа-мать создала сон, потому что человеку необходимо место расслабиться и спрятаться от жизненных невзгод и переживаний, – продолжала тем временем поучать Даниила незнакомка. – Место, где он останется наедине с самим собой, где он сможет быть настоящим, а не носить маску притворства, навязанную другими людьми. Кто дал тебе право посягать на замысел самой природы?

Прозвучало, конечно, солидно. «Кто дал тебе право…» Примерно такими же криками перемежал свою матерную тираду священник, когда Даня единственный раз в своей жизни зашёл в церковь и попытался покаяться о том, что умеет ходить в чужие сны. Божий человек прервал Даниила на полуслове и начал кричать что-то про бесов, дьявольские происки и прочую чепуху, половину из которой парень банально не понял.

Три дня после этого неудачного визита юноша чувствовал себя ни за что оплёванным и сверху ушатом помоев облитым. Единственное, что хоть как-то примиряло с действительностью, – церковь была католической.

Но вот сейчас похожие слова и интонация вновь вызвали в душе знакомое чувство отторжения и неприязни. Кто это такая, что позволяет себе царственным тоном поучать его и насылать этих злобных тварей? Рука болела неимоверно, вернее, её дёргало, и Данька на полном серьёзе опасался, что зубы в безразмерной пасти ядовитые.

Впрочем, идти на открытый конфликт Даниил не решился. Расклад сил абсолютно неясен, да и сила пока, по всей видимости, на стороне этой неизвестной женщины. Сейчас бы проснуться, но призрачная реальность крепко держала парня в своих объятиях. Приходилось изворачиваться в словесном поединке, надеясь, что всё в конечном итоге кончится хорошо.

– Я сразу прошу прощения, – предельно вежливо и где-то даже жалостливо начал Даниил, – только всё, о чем вы говорите, лично мне ранее было неизвестно. Но следуя Вашей же логике… Если мать-природа наградила меня умением ходить по чьим-то снам, то, значит, ей так было угодно. И кто вы такая, чтобы спорить с её замыслом?

– Нахал. – Теперь интереса во взгляде женщины стало не в пример больше. – Я богиня Дрёма, жена бога сна. Старые боги ушли за Кромку, но я осталась в этом мире, чтобы беречь сон людей от чужих посягательств. И не стоит прикрывать свои грязные делишки словами о матери-природе. Я скорее поверю в то, что ты жертва чьих-то неумелых заклятий. В любом случае сон каждого человека священен, так было и так будет. А ты не только вторгся в чужие владения, но погубил невинного человека.

– Погубил? – изумился Данька. – Невинного? Это кого же? Вот этого упыря, что мучил в подземелье невинных девушек?

– Нет, – досадливо дёрнула плечом Дрёма. – Я говорю о мужчине, из сна которого ты подло сбежал, не смея стойко ответить за свои поступки.

Вообще-то Даниил прекрасно понимал разницу между позорным бегством и достойным отступлением. Не то чтобы он испугался, впервые в жизни столкнувшись с какими-то гончими, но обалдел весьма знатно и решил, что играть в супермена не очень-то и разумно.

Сегодня вообще был день открытий. Сначала понимание полнейшей неадекватности бизнесмена, который даже во сне не поддавался уговорам отстать от его сестры и дать молодой девушке немного спокойной жизни. Потом зубастые твари, которые сначала кусают, а потом здороваются. Сон сексуального маньяка, от которого до сих пор хотелось принять душ и вымыть руки с хлоркой. И вот теперь вишенка на торте.

Древняя богиня, которой почему-то не спится и хочется поучить жизни всех окружающих. Расскажи ему кто-нибудь подобную историю хотя бы два дня назад, Даниил бы искренне восхитился и посоветовал фантазёру написать книгу, подобные вещи сейчас опять входят в моду и могут принести автору солидные дивиденды. Данькина картина мира, конечно, существенно отличалась от среднестатистических представлений о мире, но вот какие-то ушедшие боги в неё не вписывались абсолютно.

Даже если кто-то когда-то и правил этим миром, то с какого перепуга они вдруг решили вернуться? Или, как выясняется, вовсе не уходили?

Короче, фантастика в чистом виде из серии «такого не бывает». Сон был бы лучшим объяснением происходящего, вот только именно этот вариант в данном случае оказался абсолютно неподходящим.

– Что ты молчишь? – по-своему истолковала замешательство юноши богиня. – Ты согласен, что человек погиб именно по твоей вине?

– Не-не-не, – замахал здоровой рукой Даниил. – Не надо перекладывать с больной головы на здоровую. На того мужика напали вот эти серые твари, так

что с них и спрашивайте! Я же так понимаю, что это ваши зверушки?

– Это слуги моего мужа, – торжественным тоном ответила Дрёма. – Гончие сна.

На секунду женщина задумалась, а потом рассмеялась звонким журчащим смехом.

– Всё-таки как интересно, – объяснила она своё веселье. – Я никогда не задумывалась, что моего мужа зовут Сон и царствует он в человеческом сне. Вот и чьи это гончие? Человеческие или моего мужа?

– Милые зверушки, – пробормотал Даниил, оглядываясь на мельтешащий вокруг хоровод. – Думаю, что название обобщающее. Непонятно только, почему они ко мне прицепились? И давайте всё-таки разберёмся сразу. Это они, а не я, напали на Иванова, так что к его гибели я не имею никакого отношения.

– Ты собираешься спорить со мной, червяк? – вновь повысила голос богиня. – Гончие спали вечным сном, и только ты сумел пробудить их впервые за последнее столетие. Если бы ты не нарушил законы сна, то ничего и не случилось бы.

– Я не спорю, – как можно дружелюбнее ответил Даниил. – Но в ваших словах очень много неточностей и непоняток. То вечный сон, то всего сто лет спали. Законы какие-то… Где они написаны? Если бы я о них заранее знал, то непременно бы ознакомился…

– Замолчи! – поморщилась Дрёма, и рот Даниила сам собой наполнился чем-то липким и невкусным. – Твои слова безмерно меня раздражают своей невежественностью. Покон един для всех, кто вторгается в запретные сферы. Ты вёл себя неразумно и тем самым спровоцировал гончих сна. Погиб человек, и его смерть теперь на твоей совести.

Даня дёрнулся было возразить, но понял, что не может произнести ни слова. Неизвестная масса мешала совершить языку хоть малейшее движение. В ту же секунду парень почувствовал рывок и понял, что скован по рукам и ногам гончими сна. Хорошо ещё, что зубастые твари не пытались вновь попробовать на вкус его тушку, а просто оплели тело, как верёвками.

«Здрасьте-приехали, – подумал Даниил. – Бабуля узнает – убьёт на месте. Потом достанет с того света и убьёт повторно, чтоб неповадно было. Говорила же, что сон не место для прогулок и ничем хорошим шатания сюда не закончатся. Получите – распишитесь! Интересно, бабуля в курсе, что такое покон? Было бы интересно ознакомиться с подобной книжицей на досуге».

– Законы покона просты, но справедливы! – Теперь интонации богини очень напоминали те, коими обычно в суде объявляют приговоры. – Око за око, зуб за зуб. Ты повинен в смерти другого человека, а значит, должен заплатить за это преступление своей жизнью.

– М-м-м, – отчаянно замычал Даниил. Подобный расклад не нравился ему категорически. Вот уж на такой результат он явно не рассчитывал, погружаясь вечером в сон несчастного бизнесмена.

– Ты, наверное, хочешь что-то возразить, смертный? – ледяным тоном поинтересовалась богиня, снисходительно глядя на мычащего Даниила. – Увы, но твои слова имеют мало значения. Нас определяют поступки, а не то, как мы их объясняем.

Умирать отчаянно не хотелось, поэтому Данька продолжать мычать и дёргаться всем телом, пытаясь получить хоть небольшую отсрочку. Происходящее казалось чудовищным бредом, и от этого почему-то становилось ещё страшнее.

Он не хотел ничего плохого! Он не может умереть вот так просто потому, что кто-то когда-то придумал непонятные правила и обозвал их поконом. Бабушка, конечно, всегда запрещала Даньке ходить по чужим снам, но сегодня был особенный случай, поэтому парень искренне считал, что поступает правильно. В конце концов, сестра у него одна и кроме него защитить её некому.

Этот придурок Иванов владел бизнес-центром, в котором Санька решила снять помещение для своего детективного агентства. Да, вопросов нет, цена за кабинет была более чем приемлемая, но это же не значит, что можно теперь считать девушку своей личной рабыней.

Сначала этот козёл повадился приходить в гости, требовать кофе и отпускать скабрёзные намёки. Причём, как заметил Даниил, его не смущало даже присутствие в кабинете посторонних. Иванов по-хозяйски разваливался в кресле

для посетителей, не просил, а буквально требовал кофе. Затем он начинал рассказывать, как опасен мир для маленьких хрупких девочек, которые должны не работать, а искать настоящего мужчину. Естественно, для того чтобы посвятить жизнь заботе о нем.

Даня прекрасно представлял, как Саньку раздражают подобные рассуждения, но его названая сестра демонстрировала чудеса выдержки и даже ни разу не попыталась вцепиться ногтями в глаза бизнесмену, а только мило улыбалась и томно вздыхала.

– Дань, ну что ты, в самом деле? – успокаивала она кипятящегося брата. – Было бы на кого обращать внимание. Потерплю немного, раскручусь и съеду куда подальше от этого озабоченного. Мне о клиентах думать надо, а не о фантазиях стареющего ловеласа.

Клиентов, к сожалению, пока как-то не наблюдалось. Частные детективы в нашей стране вообще не пользуются особенной популярностью, а уж тоненькая девушка ростом чуть больше полутора метров и вовсе вызывала обоснованные сомнения в своей компетентности.

Пара заглянувших в агентство человек, встретив Саньку, каждый раз уточняли, есть ли другие сотрудники, и, услышав короткое «нет», тут же исчезали в неизвестном направлении. Иванов обожал подтрунивать над Санькой по этому поводу и изощрялся в фантазиях, какой именно бизнес в её исполнении будет более успешен. Массажный салон был самым милым и добропорядочным вариантом.

Санька мужественно терпела, и Данька терпел вместе с ней, мечтая когда-нибудь разбить в кровь костяшки об эту сальную самодовольную рожу бизнесмена.

А потом Иванов решил, что хрупкую девушку можно поиметь другим способом. Он заявился в агентство и вместо кофе потребовал от Саньки найти какие-то номера счетов его делового партнёра. В подробности левых бизнес-схем Данька не погружался, но полностью согласился с сестрой, что дело попахивает криминалом. Вежливый отказ Иванов не воспринял, начал грозить тем, что выгонит Саньку на улицу, а потом и вовсе перешёл к разговорам о физическом насилии. Судя по всему, дело и впрямь было откровенно тухлым, поэтому Иванов

жаждал выполнить его чужими руками. Как Санька должна исполнить заказ, его сильно не интересовало, поэтому и эти вроде бы вполне логичные аргументы оставались неуслышанными.

– Ты частный детектив, Александра? – нависал бизнесмен над сестрой, пытаясь сделать свой голос как можно более грозным и представительным. – Ну так у меня заказ, и меня не очень сильно волнует, как ты планируешь его исполнить. Мне нужен результат, и желательно вчера. Так что ты уж расстарайся, деточка, а не то живо освободишь помещение для кого-нибудь более сговорчивого.

Короче, Санька напряглась. А вместе с ней, естественно, напрягся и Даниил, которому судьба сестры была совсем небезразлична. А ну как действительно этот самодовольный индюк разорвёт договор аренды? Здесь будущее обладало таким многообразием вариантов, что половину из них даже рассматривать не хотелось, тем более Иванов просто не представлял, с кем именно связался.

Пускай Александра и выглядит как тростиночка, но девушка-оборотень способна доставить очень большое количество неприятностей любому. То обстоятельство, что Санька умела обращаться не в пантеру или волчицу, а всего лишь в чёрную кошку, большого значения не имело. Уж поверьте, умеючи эта хвостатая ушатает кого угодно. По крайней мере, Даньку ушатывала.

Даня пытался поговорить с бизнесменом тет-а-тет, но тот упёрся и слышать не хотел никаких разумных аргументов.

И вот тогда парень решился на самый крайний вариант. Умение ходить по снам – весьма редкая по нынешним временам штука. Впрочем, бабуля говорила, что за это и в древние времена убивали, не сильно разбираясь в обстоятельствах. Сон – дело такое… Интимное, если хотите. Только во сне человек остаётся наедине с самим собой, своими страхами, желаниями и фантазиями. Иные сны дети родителям, а жены мужьям не рассказывают, как уж тут полюбить человека, способного увидеть сокровенное во всех самых неприглядных подробностях?

С другой стороны, нормальный человек во сне становится мягким и податливым. Если постараться, то ему любую мысль подкинуть можно, причём так, что он её искренне своей считать будет. Впрочем, Иванов оказался ненормальным, поэтому, собственно, вся канитель и завертелась.

Но умирать Даниилу не хотелось. Рано пока ему было умирать, тем более из-за упрямого придурка, который не хотел договориться.

– Ты так забавно мычишь, человек! Прямо даже не хочется расставаться с тобой, – Дрёма явно наслаждалась беспомощным положением Даньки. У парня вдруг мелькнула мысль, что ей, наверное, слишком давно не выпадала возможность над кем-нибудь поглумиться. Власть свою показать хочется, а негде, судя по всему, и тут вдруг такой подарок в виде Даниила.

Впрочем, взгляд Дрёмы посерьёзнел, и она смотрела сейчас на юношу уже не просто так, а как будто размышляя над чем-то или просчитывая варианты.

«Может быть, обойдётся? – вспыхнула в душе Даньки отчаянная надежда. – В конце концов, кем ей самой приходился этот Иванов? Даже если он сдох, это не значит, что надо убивать ещё кого-нибудь».

– Моя свекровь, богиня Морана, коллекционирует души мёртвых и через них желает обрести былое могущество, – медленно сказала Дрёма, а затем вдруг усмехнулась каким-то своим мыслям. – Она себе даже пастыря нашла, который убивает с её именем на устах. И я вот подумала, а чем я хуже?

Вопрос наверняка был просто риторическим, поэтому Даниил попытался просто растянуть губы в улыбке.

«Обойдётся! Обойдётся!» – набатом билась мысль в голове у парня.

– Жить хочешь? – прищурившись, посмотрела на парня богиня, как бы прикидывая, не ошиблась ли она в своём выборе.

Даня кивнул, а Дрёма в ответ на этот жест лишь усмехнулась.

– Я даже не сомневалась в этом. Но удовольствие жить, как раньше, придётся заработать. Из-за тебя погиб человек, и это преступление, требующее платы. Так вот я хочу, чтобы взамен одной потерянной души ты вернул мне семь! Тебе понятно?

Дрёма щёлкнула пальцами, и Даниил с наслаждением пошевелил во рту освобождённым языком.

– Сроку тебе на всё сто ночей даю, а коли не справишься, то будешь сам виноват во всех своих проблемах. – Теперь улыбка богини уже не казалась юноше такой прекрасной и обворожительной. – Могу лишь одно тебе обещать, что умирать ты будешь долго и очень-очень больно.

– А как мне спасать-то их? – смог наконец выдавить из себя первые слова Даниил. – И как я пойму, что это спасение засчитано? Надо бы какие-то условия или критерии обговорить…

– Никаких условий, – жёстко оборвала его Дрёма. – Ты спасаешь людей от смерти, а я принимаю решение, считать ли это искуплением твоей вины. Всё, других вариантов нет.

– Да я же не спорю, – пожал плечами Данила. – Просто мне же тоже надо понимать, где искать этих счастливчиков. По больницам ходить или просто бабушек одиноких через дорогу переводить.

– А это уж как сам решишь, – улыбнулась богиня. – Одно скажу: в чужие сны ближайшие два дня не суйся. Да и сам спать не ложись, незачем тебе это. Гончие сна хорошо запомнили твой след и обязательно придут за тобой, как только ты здесь появишься.

– А разве вы… – начал было Даниил, но Дрёма даже не дала ему задать вопрос до конца.

– Могу ли я управлять ими? Могу. Но только в определенных пределах, и ближайшие два дня делать этого не буду. В любом случае, смертный, ты совершил проступок и должен вынести хоть какой-нибудь урок из произошедшего.

Да уж, приятное известие. Как можно не спать так долго, Данька не представлял даже в принципе. Особенно с учётом того, что этой ночью он тоже практически не отдыхал.

– А если я усну? И эти твари меня сожрут? Что тогда?

– Ты больше никогда не проснёшься. – Ответ богини поражал своей лаконичностью, а пренебрежительное движение плечом говорило, что она не расстроится.

– Но ведь я тогда не смогу выполнить ваше задание. Какой же тогда в нём смысл? – попытался воззвать Даниил к логике Дрёмы.

– Не знаю, – легкомысленно пожала плечами Дрёма. – Я просто захотела развлечься. Убить тебя никогда не поздно.

Богиня была женщиной, поэтому и логика её отличалась от Данькиной причудливостью мыслительных поворотов.

– Ты вообще не о том спрашиваешь, смертный, – вновь заулыбалась богиня. – Нет бы на колени упасть, ноги мне целовать и благодарить за милость божественную. А ты вопросы задаёшь, условия ставить пытаешься… Знаешь что? Сроку для спасения первой жизни даю тебе неделю. Не справишься – будем считать, что от тебя нет никакого толку.

– Да какая неделя?! – неосознанно повысил голос Даниил. – Вы же даже не объяснили, что именно я делать должен.

– Спасти семь жизней, – расхохоталась Дрёма. – И поторопись! Гончие после сна всегда очень голодные!

С этими словами она щёлкнула пальцами, и одна из серых тварей немедленно вцепилась в ногу юноши. Даниил заорал от страшной боли и проснулся.

Подушка и лёгкое одеяло оказались насквозь мокрыми от пота, а за окном уже давным-давно занимался рассвет. Зажжённые в изголовье кровати свечки давно превратились в воспоминание, но запах сгоревшего воска вперемешку с травами всё ещё наполнял помещение.

– Ну ни фига себе сходил за хлебушком, – пробормотал Даниил и внимательно осмотрел своё тело. Укушенные рука и нога продолжали болеть, однако следов

зубов на коже не оказалось вовсе.

Теоретически можно было подумать, что всё случившееся Даньке просто привиделось, но дёргающая рука говорила об обратном.

«И что же теперь делать? – с тоской подумал юноша, садясь на диван и обхватывая голову руками. – Кого я должен спасти?»

Звон будильника оповестил парня о том, что думать некогда. Начинается новый рабочий день.

Глава 3

Отдел 15-К

– Интересно, а нас в зал пустят?

– Какой зал? – удивился Нифонтов, не отрывая взгляда от дороги. Машинопоток в область на Ярославском шоссе хотя и двигался довольно быстро, оказался достаточно насыщенным, поэтому оперативнику приходилось быть за рулём особенно внимательным.

Причём какая удивительная штука. Казалось бы, десять часов утра, они едут в область, то есть против направления движения основной массы автомобилистов, а оказывается, легче от этого обстоятельства совсем не становится.

Если встречный поток подобно огромной змее двигался не быстрее пешехода, то отдельский микроавтобус то и дело обгоняли какие-то совсем уж безбашенные лихачи, абсолютно не боящиеся камер и машин дорожной полиции. Причём эти ухари не ехали, а летели над дорожным полотном, полностью игнорируя соседние автомобили, а оттого то и дело создавая аварийные ситуации.

– Ну тот, который по телевизору показывают, – пояснила Женька, как будто бы удивляясь непонятливости своего коллеги. – Когда по первому каналу рапортуют об очередном успешном запуске космической ракеты, то репортаж

ведут из огромной комнаты, в которой компьютеры и огромный экран с картой космоса. Они ещё с космонавтами в этом зале разговаривают по видеосвязи.

– Жень, если ты не забыла, то мы вообще-то по делу едем, а не на экскурсию, – укоризненно ответил Нифонтов. – И экскурсии в план наших действий никак не входят.

– А мы и не будем говорить про экскурсию, – пожала плечами Мезенцева. – Просто объясним, что для расследования необходимо обследовать все помещения центра.

Отвечать Николай не стал, только покрутил досадливо головой и с тоской подумал о причудливости бытия. Когда и кому пришло в голову сделать Евгению сотрудницей отдела 15-К, он не понимал до сих пор.

Понятное дело, что люди с улицы в их подразделение не попадают, и если когда-то лейтенант Мезенцева сумела отыскать дорогу к неприметному особнячку недалеко от Сухаревской площади, значит, так тому быть и суждено. На первых порах, конечно же, не обошлось без некоей притирки, какие-то закидоны у девушки прошли сами собой, а к другим в конце концов привыкли. Да и правды ради – не была лейтенант Мезенцева совсем уж бестолковым сотрудником, головой при желании соображала хорошо, оперативное чутьё тоже присутствовало, так что чужого места в отделе явно не занимала. Казалось бы, год-два поработает и встанет, как пазл, в единую картину коллектива.

Но не тут-то было. Женька оказалась таким невообразимым уникумом, что вопрос о причудливости нитей судеб нет-нет да и всплывал в голове у Николая. То с ведьмаком шашни крутить начнёт, то задержанного доведёт до энуреза. А сейчас вот сидит и бубнит без остановки в ухо коллеге о детской мечте побывать в «самом главном центре управления космонавтами». Хорошо ещё, что она хотя бы сама на Луну не просится. Хотя, с другой стороны, плохо. Запросто может быть, что Ровнин и согласился бы её туда отправить. На полгодика. Без скафандра.

Впрочем, долго разглагольствовать у Мезенцевой всё равно не получилось. После ВДНХ машины, направляющиеся в область, окончательно перестали стесняться и не поехали, а буквально полетели по своим делам, так что путь до точки назначения оказался не таким уж и продолжительным по времени.

Подъем по эстакаде, ракета на въезде в город – и вот отдельский микроавтобус уже подруливает к служебной стоянке Центра управления полётами.

– О, похоже, что нас уже ожидают. – Людей в этот час на улице почти не было, так что Женька вычислила встречающего практически без усилий. – Судя по одежде, чекист.

– С чего ты взяла? – на автомате спросил Николай, тормозя возле шлагбаума и окидывая взглядом высокую фигуру мужчины в чёрном кожаном плаще, который неторопливо шёл в сторону их автомобиля.

Охранник в будке возле шлагбаума мазнул по микроавтобусу взглядом и даже не попытался встать, чтобы выяснить, кто и по какому поводу приехал. Судя по всему, особого впечатления фигуры сотрудников отдела на него не произвели, а значит, либо сами подойдут, либо просто уедут. Наверняка у него в ногах на полную мощность работал какой-нибудь компактный обогреватель, так что нежелание мужчины вылезать на улицу было понятным.

– Коля! Ты чего, в самом деле? – возмутилась Мезенцева. – Разве не видишь? Ну какой нормальный человек напялит на себя такую униформу? Ему ещё широкополую шляпу в комплект – и вылитый Глеб Жеглов на задержании Горбатого.

– Жеглов вообще-то в МУРе работал, – поправил коллегу Нифонтов, но та лишь досадливо всплеснула руками.

– Ой, да какая разница! Просто прими как факт, что нормальные люди в подобные балахоны не одеваются. Плюс ко всему он именно к нам идёт, а значит, больше некому. Олег Георгиевич же предупреждал, что нас местный эфэсбэшник встречать будет.

Этот аргумент звучал более весомо, хотя на самом деле Николай был согласен с Женькой и по поводу плаща. Нет, понятное дело, сентябрь в этом году выдался дождливым и промозглым, но человечество давно придумало более удобные виды одежды, чем плащ из толстой кожи мамонта, который только что не скрипел при ходьбе. Издалека вообще складывалось ощущение, что ткань даже не сминается при ходьбе, а саму накидку в помещениях следует не на вешалку вешать, а просто ставить в углу, как средневековые доспехи.

Впрочем, надо отдать должное, что у встречающего оперативников мужчины был настолько уверенный в себе и независимый вид, что его облачение смотрелось на нем вполне себе цельно и органично. По крайней мере, Николай на секунду попытался представить этого человека в жёлтом китайском пуховике и понял, что картинка не складывается. Сразу же чувствуется несоответствие, диссонанс. Примерно такой же, как если бы Ровнин Олег Георгиевич не трубку начал курить с душистым табаком, а папироску смолить принялся, к тому же сидя на корточках у входа.

От разглядываний местного чекиста оперативников отвлёк нетерпеливый звук клаксона, раздавшийся от подъехавшей сзади машины.

– Уважаемые, вы долго ещё на проезде стоять собираетесь? – Охранник всё-таки вылез из будки и сейчас стоял возле водительской дверцы, нетерпеливо постукивая по стеклу. – Здесь вообще-то режимный объект, не надо мешать людям работать.

Мезенцева уже открыла рот, чтобы поставить на место зарвавшегося охранника, не сумевшего с первого взгляда опознать прославленных сотрудников охраны правопорядка, но её опередил оклик мужчины в кожаном плаще:

– Алексеич, полегче! Открывай шлагбаум, это ко мне гости пожаловали…

Ну вот теперь и впрямь не осталось никаких сомнений. Женька вновь повернула голову в сторону встречавшего их колоритного персонажа и сумела рассмотреть его более подробно. Впрочем, кроме выдающегося плаща, всё остальное во внешности можно было считать вполне себе обыкновенным.

По крайней мере, внимание старшего лейтенанта Мезенцева подобный мужчина точно бы не привлёк. Ну да, рост выше среднего, подтянутый, широкие плечи, причём туго затянутый пояс плаща только подчёркивал это обстоятельство. Но вот привычка сутулиться тут же сводила на нет всё положительное впечатление от физических достоинств их нового знакомого.

Лёгкая седина в иссиня чёрных волосах могла бы смотреться благородно, но мягкие черты круглого лица опять-таки смазывали весь образ при первом же взгляде. Дальше подробности уже никому не интересны, причём каждую из этих

подробностей можно считать как достоинством, так и недостатком. Лоб широкий, нос большой, губы тонкие, глаза карие. Короче, человек как человек, даром что чекист.

Тем временем Николай уже успел припарковать их микроавтобус на одном из множества свободных мест и, выключив двигатель, принялся выбираться наружу.

– Жень, ну ты чего там? Уснула? – окликнул он коллегу, видя, что девушка не торопится наружу.

– Сам ты! – огрызнулась Мезенцева и выскочила на улицу. Непроизвольно поёжившись под порывами холодного ветра, она первая протянула руку подошедшему чекисту:

– Добрый день! Что у вас тут случилось?

Нифонтову оставалось только смущённо улыбнуться краешком рта, но обрывать или одёргивать девушку он не собирался. За их плечами были сотни совместно раскрученных дел и проведённых операций, так что к некоторым особенностям поведения коллеги он уже успел привыкнуть, а некоторые даже научился использовать для общей пользы дела.

Вот и сейчас Женька отвлекла на себя всё внимание встречающего их мужчины и тем самым дала оперативнику прекрасную возможность составить собственное мнение о сотруднике смежного ведомства. Впрочем, встречающий их мужчина, как оказалось, обладал довольно неплохой реакцией, поэтому много времени в распоряжения Николая не осталось.

Шустро изобразив лобызание рук Мезенцевой, он как-то ловко перетёк ей за спину и буквально через секунду стоял с другой стороны микроавтобуса рядом с Нифонтовым.

– Добрый день! – крепко пожал чекист руку Николая. – Дорохов Сергей Михайлович, куратор ЦУПа и попутных объектов. Большое спасибо, что так оперативно среагировали на мою просьбу.

– Да не за что, – пожал плечами Нифонтов. – Потому что это не мы среагировали, а руководство.

– Неважно, – отрицательно покрутил головой Дорохов. – Вы здесь, и я надеюсь, что с вашей помощью появится хоть какая-нибудь ясность в происходящем.

– Ничего не понятно, но очень интересно, – одними губами улыбнулся Николай. – Рассказывайте.

– Тут не рассказывать, тут показывать надо, – неожиданно смутился Дорохов и почему-то оглянулся по сторонам, а затем, понизив голос, добавил: – Пойдёмте со мной, вы там сами всё увидите.

И чекист повёл недоумевающих оперативников в совсем другую сторону от главного входа Центра управления полётами.

– А куда это мы? – буквально подпрыгнула Женька, сообразив, что столь желанная экскурсия, судя по всему, откладывается на неопределённый срок.

– В седьмую лабораторию, – не замедляя шага, ответил Дорохов. – У неё отдельный вход, и туда с улицы иначе попасть невозможно.

– А я думала, что у вас в ЦУПе что-то случилось, – с сожалением в голосе протянула Мезенцева, не обращая внимания на неодобрительные покачивания головой Николая.

– Да уж лучше бы там что-то произошло, – внезапно разгорячился чекист. – Там-то всё понятно, как реагировать, а вот с этой лабораторией с кондачка решить проблему сложно. Очень уж объект специфический.

– И что в нем такого специфического? – не отставала от чекиста Женька.

– Девушка, – в голосе Дорохова появились металлические нотки, – при всём уважении, есть вещи, которые лучше никогда не знать. Поверьте мне, спать при этом вы будете гораздо спокойнее.

– Нам для расследования может понадобиться вся доступная информация, – не успокаивалась Мезенцева, но чекиста её доводы не убедили.

– Доступную получите. – Сергей Михайлович остановился у неприметной металлической двери в длинном заборе. – Но не более того, и этот вопрос с вашим начальством был согласован отдельно.

Впрочем, Мезенцеву такие мелочи никогда не останавливали, что она и подтвердила многозначительным фырканьем. Дорохов же никак внешне на такое выражение эмоций не отреагировал, обращаясь уже к Николаю.

– Непосредственно в лабораторные отсеки мы заходить не будем, но всё равно объект специфический, поэтому постарайтесь ничего не трогать и любые действия осуществлять только после согласования со мной. Хорошо?

Нифонтов кивнул, впрочем, вопрос, скорее всего, был чисто риторический и не подразумевал хоть каких-нибудь возражений.

Судя по всему, оперативников и впрямь ожидала экскурсия в место, куда могут попасть только избранные. Ничем другим тройной кордон охраны объяснить бы не получилось.

К тому моменту, как они всё-таки зашли в кабинет, открытый ключом и проксимити картой Дорохова, их минимум дважды успели просветить рамками металлоискателей и ещё столько же раз внимательно прочитать текст служебных удостоверений. Количество камер в ярко освещённых коридорах и вовсе не поддавалось хоть какому-нибудь подсчёту, потому что все они были разнообразных конструкций и встречались буквально на каждом шагу. Причём некоторые висели не под потолком, а находились на уровне пояса или даже щиколоток оперативников.

Так что можно было констатировать, что по крайней мере в этой части подконтрольного Дорохову объекта с безопасностью всё в порядке. Впрочем, уже потом Николай подумал, что и разгильдяйство снаружи вполне себе может оказаться показным. Дескать, заходите, люди добрые, берите что хотите. И расслабившийся дурачок запросто попадётся в расставленные сети.

Профессионалы на подобные объекты просто так не заходят. Как правило, их появление готовится сильно загодя и практически всегда сопровождается вербовкой кого-то внутри нужного места. Так что с ними затеянный маскарад наверняка не прокатит, но так и профессионалы каждый день не появляются. Вскрывать их на дальних подступах – ария совсем из другой оперы. А вот дурачков, решивших поживиться хоть чем-то по-быстрому, хватает везде и во все времена. И весь полицейский опыт Николая подсказывал, что именно от них случаются наибольшие проблемы.

– А я думала, что чекисты живут побогаче, – разочарованно протянула Евгения, оглядывая действительно спартанскую обстановку в кабинете Дорохова. – А у вас здесь всё как-то совсем скромненько.

Кабинет оказался небольшим, буквально три на четыре метра. Солидный и даже по внешнему виду тяжёлый сейф, шкаф для одежды, вешалка и стол с несколькими стульями. Ни кресел, ни дивана. Даже для чайника – казалось, непременного атрибута всех казённых помещений – и то места не нашлось. Складывалось ощущение, что если эту комнату и посещают, то совсем изредка и исключительно по работе, стараясь не проводить здесь ни одной лишней минуты.

Единственной вещью, выбивающейся из общей картины, был большой и достаточно современный ноутбук, к которому откуда-то из-под стола тянулось сразу несколько проводов.

– Извините, золотой унитаз пришлось вывезти, – в тон ей ответил безопасник, откидывая крышку лэптопа и запуская устройство. – Сами понимаете, времена нынче неспокойные.

– Действительно, – понятливо покивала Мезенцева. – Фарфоровый всё-таки глазу привычней, да и ёршиком тереть не так жалко, ценные крупинки не отваливаются.

– Женя! – оборвал коллегу Николай, видя, что останавливаться девушка не собирается. – Сантехнические изыски потом обсудишь. Мы работать приехали.

Мезенцева лишь фыркнула и демонстративно дёрнула плечиком, впрочем, Николай на её демонстрацию не обратил никакого внимания. При всём своём

балабольстве к работе Женька относилась предельно серьёзно, не упуская из виду ни одной серьёзной детали, и вполне могла подкинуть дельный совет, сопоставив, казалось бы, абсолютно несвязанные детали.

– Сергей Михайлович, – обратился Нифонтов уже к чекисту. – Мы вас слушаем предельно внимательно. Что у вас случилось?

– Что случилось, что случилось… – пробормотал Дорохов, а затем тяжело вздохнул. – У меня, капитан, просто…

Безопасник запнулся, кинув быстрый взгляд в сторону Женьки, а затем всё-таки закончил фразу.

– У меня, капитан, полный треш. Мы находимся в закрытой лаборатории закрытого КБ. Понимаю, что звучит глупо, но вот такая вот секретная матрёшка. Характер разрабатываемых изделий вам знать необязательно, но поверьте, отчёты о процессе разработки регулярно докладывают на самый верх. Так вот, с учётом важности стоящих перед лабораторией задач, на контроле держится всё, вплоть до банальной простуды из-за промоченных ног. Во-первых, люди, работающие здесь, владеют слишком большим количеством государственных секретов, а значит, надо быть уверенными, что они действительно болеют, а не едут куда-нибудь в сторону государственной границы. А во-вторых, здесь не так много сотрудников, чтобы внеплановая потеря кого-то из них хотя бы на неделю прошла незамеченной.

– Каменный век какой-то, – не смогла удержаться от комментария Мезенцева. – Не удивлюсь, если вы скажете, что нерадивых сотрудников приковываете к стене цепью и заставляете работать круглосуточно.

– Нерадивых сотрудников здесь нет, – жёстко ответил девушке Дорохов. – В эту лабораторию люди с улицы не попадают, они все обладают громадным опытом, каждый в своей области. Так что лентяи и неучи собираются где-то в другом месте. Кроме того, у попавших сюда достаточно внушительные зарплаты, не считая солидного соцпакета. Стимулы бывают разные, причём надо заметить, что цепь – далеко не худший из них.

– Мне кажется, что мы опять отвлеклись от темы, – Николай вновь выступил в роли миротворца, хотя в душе признал, что эта роль ему уже порядком надоела.

Впрочем, если Дорохов и смутился, буркнув под нос что-то извинительное, то Мезенцева только громко фыркнула и с независимом видом уселась на один из гостевых стульев.

– Дело в том, – тон Дорохова снова стал деловым и размеренным, – что неделю назад один из сотрудников лаборатории оказался на приёме у психиатра. Впрочем, тогда я не стал особо переживать и списал произошедшее на роковую случайность.

– Та-а-ак, – с интересом протянула Женька, подобравшаяся, как кошка перед прыжком.

– Три дня назад ещё один наш сотрудник оказался в реанимации, – со вздохом продолжил чекист. – Закрытая черепно-мозговая травма и множественные гематомы по всему телу. Я пообщался с хирургами, и они утверждают, что следы на теле оставлены не кулаками. Твёрдый тупой предмет, что-то типа дубинки. Случай непонятный и по-своему загадочный. Его обнаружили в городском парке поздно вечером. У нас там недавно охранников ввели, ездят на велосипедах, следят за порядком, чтобы никто никакое имущество не ломал, вот они и нашли тело нашего инженера.

Дорохов замолчал и с силой потёр ладонью переносицу, как будто что-то вспоминая или пытаясь сдержать нахлынувшие эмоции.

– Судя по всему, неприятности на этом не закончились, – аккуратно поторопил безопасника Николай, внимательно слушавший его рассказ и старавшийся не упустить ни одной, даже самой малозначительной детали.

– Я бы сказал иначе, – в очередной раз вздохнул Дорохов. – Дальше началась форменная чертовщина, из-за которой мне и пришлось составлять на имя руководства подробную записку обо всех происшествиях в лаборатории.

Чекист снова замолчал, но Николай с Женькой не торопили его, давая возможность собраться с мыслями и самому рассказать обо всём, что он считал нужным. Андрей Михайлович сидел за столом, не поднимая на оперативников глаз, и ожесточённо ковырял у себя на руке какую-то болячку.

– Такое ощущение, что это я Синицына к психиатру отправил, – внезапно с каким-то ожесточением проворчал Дорохов, не отрывая взгляд от своих ладоней. – Но крайним почему-то выставляют именно меня. Только начал с избиением Алтунина разбираться, как на тебе – новая напасть.

– Действительно, сплошная полоса неприятностей, – согласился с чекистом Нифонтов. – И что же произошло на этот раз?

– Сейчас покажу, – вздохнул Дорохов, разворачивая экран ноутбука к оперативникам. – Смотрите.

На экране запустился видеофайл. Судя по всему, это была запись с камеры одного из кабинетов, причём достаточно хорошего качества. Можно достаточно чётко разглядеть грузного мужчину, сидящего за огромным столом и постоянно вытирающего платком вспотевшую шею. Видео оказалось цветным, поэтому Женька сразу же обратила внимание на раскрасневшееся лицо и суетливые движения рук человека, за которым они сейчас наблюдали.

– Это Арсеньев Глеб Викторович, – пояснил Дорохов, тоже внимательно наблюдая за происходящим на экране. – Заместитель главного конструктора.

– Конструктора чего? – немедленно отреагировала на реплику безопасника Женька, но тот на провокацию не поддался.

– Конструктора лаборатории, – с нажимом ответил он, чётко определяя границы дозволенной информации, и повторил: – Арсеньев Глеб Викторович.

– Ну ладно, – с самым невинном видом улыбнулась девушка. – Заместитель так заместитель. И что с ним не так?

– Жень, хватит ёрничать, – перебил её не отрывавший взгляда от экрана Нифонтов. – Ты что, сама не видишь, что происходит?

Глава 4

Латунин

Очень сильно хотелось пить.

Пересохшее горло даже не пыталось выдавить из себя хоть какие-нибудь звуки, а какофония маленьких молоточков в висках настойчиво требовала жидкости.

Ощущение, что внутри головы сидит маленький трудолюбивый гномик, который решил развлечься игрой на нескольких барабанах сразу. Если попытаться расслабиться и прислушаться к череде непонятных звуков в голове, то может сложиться впечатление, будто бы гномик виртуозно исполняет мелодию какого-то бравурного марша.

Мы будем бить! Бить! Бить!

Нам дайте пить! Пить! Пить!

Мелодичное течение ручья мигрень напоминала мало, а вот жидкости с каждой секундой хотелось всё больше. Хоть какой-нибудь… И таблетку от головной боли. И поспать. Но сначала всё-таки попить, причём неважно чего, хоть воды из-под крана.

Александр Петрович прекрасно помнил то злосчастное утро, когда при пробуждении выяснилось, что в квартире отключили воду. Какая-то авария на линии, в кране пусто, а в холодильнике только чёрствый кусок засохшего сыра. Стыдно сказать, но вид сливного бачка от унитаза, полного желанной влаги, привёл тогда Петровича в неимоверный восторг.

«Животный восторг!» – поправил себя мужчина и, легонько охнув, отправился к холодильнику. Он уже давно был немолод, поэтому прекрасно осознавал, что ведёт не самый праведный образ жизни. Выражаясь русским языком, он просто катится вниз по наклонной плоскости, медленно убивая свой организм регулярными возлияниями.

Так часто бывает, когда у человека пропадают нравственные и физические ориентиры. У Петровича они исчезли. Не все сразу, постепенно, но все.

Допустив ошибку однажды, Петрович старался не наступать на такие же грабли повторно, поэтому теперь, покупая в магазине бутылку крепкого спиртного, всегда брал ещё и пакет однопроцентного кефира. Или даже два, как вчера вечером.

Весь жизненный опыт мужчины говорил о том, что лучше кисломолочного напитка при похмелье средства ещё не придумали. По крайней мере, рассол Петрович не любил с детства, а вода после обильных возлияний ему вообще не помогала.

– Синька зло, но пить не брошу, – пробормотал Латунин, рывком принимая сидячее положение на диване. Судя по всему, гномику в голове такая физическая активность совсем не понравилась, потому что боль не утихла, а, наоборот, усилилась. Пространство перед глазами качнулось в разные стороны, но затем глаза всё-таки сумели сфокусировать взгляд на таком знакомом натюрморте.

Чёрный массивный шкаф, под которым притаились гантели. Стул с небрежно брошенными спортивными штанами и компьютерный стол с ноутбуком. Гладильная доска с пыльным утюгом и табуретка.

Больше рассматривать было нечего. Впрочем, избытка мебели в квартире Александра Петровича не наблюдалось уже очень давно. Ну не считать же предметами интерьера криво прикрученные к стене полки, которые хозяин квартиры смастерил в лёгком алкогольном угаре из найденного недалеко от подъезда листа фанеры?

Сам Латунин считал свою однокомнатную квартиру исключительно тем местом, где можно принять душ и поспать в более-менее комфортных условиях, а значит, и морочиться с покупкой золотого унитаза и занавесок необязательно.

Хотя множество книг на этом образце выставки достижений народных ремёсел повергали в шок каждого, кто только получал возможность прикинуть их общее количество. Ещё общее удивление вызывали названия, выдавленные на корешках. Физика, математика, криптография, программирование…

Интересы Александра Петровича выдавали в нем крайне эрудированного и разностороннего человека, хотя поверить в это окружающим сейчас представлялось достаточно сложной задачей. Последние десять лет, почти сразу после развода, Петрович активно катился по наклонной плоскости вниз.

Из когда-то красивого подтянутого молодого человека, с лёгкостью завоёвывавшего девчат на московских дискотеках, мужчина быстро превратился в не самого прекрасного представителя человеческого общества. В какой-то момент падение удалось затормозить, за что огромное спасибо надо сказать работе и непосредственному начальнику Петровича.

В один прекрасный день подполковник Морозов приехал к Латунину домой и прочитал целую лекцию о вреде алкоголя для мужчин среднего возраста. С учётом того, что накануне Александр Петрович в очередной раз позволил себе «лишнего», лекция включала в себя множество многоэтажных матерных конструкций, а также сопровождалась уборкой квартиры, выкидыванием мусора и периодическими тычками в район почек и печени Латунина.

– Нравится быть говном? – орал на подчинённого Морозов. – Что ты нюни распустил, как студень протухший? Не хочешь жить – разберись с этой проблемой! Только сам, без долгих рассусоливаний! Без отравления жизни коллегам и соседям!

– Обязательно, – обиженно хрипел Латунин, потирая поясницу после очередного тычка. Морозов был человек кручёный, неплохо подготовленный, поэтому воспитательные усилия начальника отдавались болью во всём теле. – Вот допью и тут же начну разбираться.

– Шутишь?! – в очередной раз взревел подполковник Морозов. – Здоровый мужик! Руки-ноги на месте! А ты работать не хочешь! Тебя для чего родина учила? Чтобы ты на себя руки накладывал? Чтобы бухал без продыху? Ты специалист, каких больше не делают, а ведёшь себя как маленький ребёнок! Ну сдохнешь ты, неважно – сам или от водки, а работать кто будет? Я один, что ли?

Латунин в очередной раз потирал бок и уныло кивал в такт крикам своего начальника. Не очень, конечно, хотелось признаваться, но слова Морозова падали на вполне благодатную почву. Александр Петрович действительно являлся крайне востребованным специалистом в своей специфической сфере

деятельности.

В общем, поставленной цели Морозов добился. Латунин завязал, причём сам, без клиник и капельниц. Получил карт-бланш на самостоятельную работу и пять лет демонстрировал более чем выдающиеся результаты. Даже парочку госнаград заработал, несмотря на ярое сопротивление кадровиков и прочих бюрократов, помнивших загулы Петровича в особо тяжёлые жизненные периоды.

А потом Морозов умер. Вот так просто взял и «сгорел» на рабочем месте. Разговаривал с кем-то по телефону, положил телефонную трубку на стол и уронил рядом голову. Вскрытие показало обширный инфаркт, противоядия от которого медицинская наука пока не придумала…

Первый глоток кефира принёс мужчине воистину райское наслаждение. Петрович даже постоял пару минут с пакетом в руке, разглядывая причудливые разводы грязи на оконном стекле и прислушиваясь к ощущениям в организме. Уже почти полностью рассвело, но солнце пряталось где-то далеко за низкими серыми тучами, отчего создавалось впечатление, что день никак не хочет вступать в свои законные права.

Спешащие на работу люди в утренних сумерках выглядели сонными мухами, упорно ползущими к известной им одним цели. Прошедший вчера ливень оставил после себя большое количество луж, поэтому пешеходам непроизвольно приходилось выстраиваться в затылок друг другу.

Почему-то Петровичу это зрелище напомнило колонию трудолюбивых муравьёв, способных целыми днями напролёт таскать с места на место веточки и камушки. Куда, зачем? Сие муравьям неведомо, в их жизни все равно ничего больше нет, кроме этого бестолкового перетаскивания мусора.

Когда-то он жил так же, втискиваясь по утрам и вечерам в переполненную электричку, торопясь на службу в родную контору. Служба наружного наблюдения романтично выглядит только в книжках, а на деле это такая же муравьиная рутина.

Петрович успокаивал себя тем, что неплохая на общем фоне зарплата и некоторые социальные льготы дают его семье стабильность, а значит, есть ради чего жить и мучиться, но в одно прекрасное утро оказалось, что он ошибался.

Жене хотелось чего-то большего, поэтому, вернувшись утром домой после ночной смены, Петрович обнаружил пустые шкафы и записку на кухонном столе.

«Саша, ты, наверное, хороший, но я устала!»

Записка до сих пор висела на холодильнике, прикреплённая магнитом с фотографией сына. Сейчас ему уже шестнадцать.

Петрович почувствовал, как к горлу подкатывает комок, и торопливо допил кефир. Трудолюбивый гномик в голове никак не хотел успокаиваться, хотя чувствовалось, что силы его значительно поиссякли.

– Синька дно, но мы в калошах, – пробормотал мужчина, а затем начал приседать. Никогда в жизни Петрович не следил особенно за своей физической формой. В молодости вполне хватало здоровья, подаренного природой, а в более зрелые годы – аргумента, что сотрудник «наружки» не должен привлекать внимания накачанными бицепсами. Особенно если чаще всего работает в образе бомжа или уличного забулдыги.

Но сегодня Александр Петрович очень хотел показать себя во всей красе, по крайней мере, насколько это будет возможно. Как-никак первый рабочий день. Да и работодатель, признаться, более чем удивительный.

На это объявление он наткнулся абсолютно случайно. Первым ощущением вообще было опасение, что это розыгрыш бывших коллег. По крайней мере, Петрович поначалу думал именно так.

«Частному детективному агентству требуется специалист в области наружного и технического наблюдения с опытом работы». И телефон.

Молодой женский голос, отозвавшийся на звонок, тем более уверил Петровича, что кому-то из приятелей стоит основательно начистить физиономию, но действительность перевернула всё с ног на голову.

Нет, поначалу всё выглядело именно так, как и положено в передаче «Розыгрыш». Недорогой офис в новом жилом комплексе, полупустая комната, в которой наблюдался самый минимум уюта, и симпатичная девушка с

очаровательной улыбкой.

Всего этого оказалось вполне достаточно, чтобы Петрович непроизвольно начал озираться в поисках скрытых видеокамер. Он даже заготовил и мысленно отрепетировал оправдательную речь, дескать, всё понял сразу и просто хотел немного подыграть шутникам. Впрочем, от идеи начистить кому-нибудь физиономию он тоже не отказался.

Не дождавшись конфетти и криков «Сюрприз!» в первые две минуты, Латунин немного расслабился и решил, что основное действие начнётся чуть позже, с появлением нового актёра. Петрович даже предвкушал, что в дверь войдёт актёр с классической внешностью Клинта Иствуда времён расцвета. Волевое обветренное лицо, колючий взгляд, трёхдневная небритость. Шрам через всё лицо тоже, по идее, не помешал бы, но, скорее всего, от него реквизиторы откажутся.

Петрович осмелел настолько, что плюнул на все приличия и буквально потребовал себе чашечку кофе. Помирать – так с музыкой.

А вот дальше пошли сплошные удивления. Во-первых, кофе ему не дали. Причём сопроводив отказ словами, что он на бодрящий напиток пока не заработал.

Во-вторых, хрупкая стройная девушка, встретившая его на пороге офиса, оказалась и в самом деле директором детективного агентства. Самое смешное, что она к тому же была его единственным работником. Впрочем, на скромный взгляд Петровича, это было смешно, но неудивительно. Кто пойдёт работать к девочке, ничего не смыслящей в деле, которым она решила заняться?

Ну а в-третьих, Петровича взяли на работу. И даже аванс заплатили, что вообще уже ни в какие рамки не лезло. Именно поэтому Латунин позволил себе вчера небольшой банкет, а теперь судорожно пытался привести организм в порядок.

Александра, директор детективного агентства, сумела всколыхнуть в Петровиче какие-то давно похороненные струнки души, так что выглядеть перед ней плохо не хотелось. Особенно в первый день. И особенно выглядеть алкоголиком.

Звонок в дверь раздался в тот момент, когда Петрович уже закончил с приседаниями и пытался вспомнить, как делается мостик. Вопрос, зачем ему это

надо, Латунин старался себе не задавать, понимая, что рискует таким образом потерять последние остатки решимости.

Незваный гость оказался настоящим знаком с небес, что самоистязание до добра никого ещё не доводило, а значит, нечего и начинать так развлекаться.

– Гражданин Латунин? – За дверью квартиры оказался капитан Чистяков Геннадий Геннадьевич, местный участковый. Невысокий, с аккуратным брюшком, проступающим даже через форменную тужурку, мужчина лет сорока вполне мог сойти за комбайнёра-передовика из какого-нибудь советского фильма. Почему именно комбайнёра, Петрович не знал, но, скорее всего, большую роль в этом ощущении сыграло лицо полицейского. Узкий лоб и широкие щёки украшались носом в виде картошки и глубоко посаженными чёрными глазками.

Впрочем, возможно, что Александр Петрович просто плохо знал уважаемого стража правопорядка. В конце концов, форма на нем сидела ладно, опытный офицерский взгляд отметил эту деталь машинально, а потрёпанная дерматиновая папочка наводила на мысль, что у себя в околотке полицейский не отсиживается, честно отрабатывая ножками вверенный ему участок ответственности.

С этим представителем власти Латунин до сегодняшнего дня никогда не пересекался, но по въевшейся в кровь привычке внимательно отслеживал всех должностных лиц, имеющих отношение к пятиэтажке, в которой у него была квартира.

Как зовут сантехника, какой номер у дежурного врача местной поликлиники и уж тем более – к кому бежать в случае пожара или ограбления. За последние тридцать лет эти сведения не понадобились Петровичу ни разу, но это же не повод ломать давно установленный порядок.

– Доброе утро, Геннадий Геннадьевич, – добродушно улыбнулся Латунин полицейскому. – Зайдёте?

Судя по всему, таким образом участкового встречали крайне редко. Чистяков собрался было что-то сказать, передумал и молча прошёл в квартиру мимо посторонившегося Латунина.

– Чай? Кофе? – предложил скороговоркой Петрович, но полицейский отрицательно помотал головой, ощупывая мужчину колючим изучающим взглядом.

«Почему полицейские никогда не верят в обычную людскую доброжелательность? – внезапно подумал Латунин. – Стоит, пытается сообразить, что я за фрукт, откуда знаю его имя-отчество. И подозрение, подозрение… Я уже заранее виновен во всех самых страшных и опасных преступлениях. И всё только потому, что веду себя не так, как большинство обычных людей. Что это? Профессиональная деформация или я просто преувеличиваю?»

Некоторое время мужчины с интересом разглядывали друг друга в полном молчании, а затем участковый решил нарушить его первым.

– Вы не ответили на мой вопрос, – проскрипел он донельзя казённым тоном. – Вы гражданин Латунин?

– Я гражданин Латунин, – с нажимом на местоимение ответил Петрович. – А вы?

– Ваш участковый уполномоченный. – Полицейский с готовностью продемонстрировал развёрнутое удостоверение. – У меня есть к вам несколько вопросов.

– Спрашивайте, – с готовностью согласился Петрович. – Только если можно побыстрее, мне ещё надо успеть собраться на работу.

Он улыбнулся участковому максимально дружелюбно, но ответной взаимности, к сожалению, так и не дождался. Наоборот, как и предполагалось, получил самый предсказуемый вопрос.

– И кем вы работаете? – взгляд Чистякова стал ещё более колючим.

– Сотрудник частного детективного агентства «Порядок». – Латунин с грустью подумал, что на работу такими темпами он наверняка опоздает. Не самое лучшее начало трудовой карьеры, но Петрович прекрасно понимал, что каждый следующий его ответ будет вызывать новые вопросы. Маленькие последствия

предыдущего места работы.

– Очень интересно, – оживился участковый. – А по моим сведениям, вы не работаете, ведёте достаточно праздный образ жизни…

Мхатовской паузе в речи полицейских никто никогда не обучает, но это умение само собой появляется у каждого, кто успел проработать «на земле» хотя бы полгода. Впрочем, Петрович тоже «в поле» стоптал не одну пару кроссовок, поэтому прекрасно знал, что в эту игру можно развлекаться вдвоём.

Он смотрел на участкового и с удовлетворением наблюдал, как медленно набухает жилка на шее возле форменного кителя.

«Поделом тебе, – мстительно подумал Латунин. – Нечего напоминать людям об их ошибках, тем более когда не знаешь всех обстоятельств». Петрович ждал развития театрального этюда, а потом с горечью вспомнил, что опаздывает, и понял, что полного удовольствия получить не выйдет.

– Я военный пенсионер, – опередил Петрович уже открывшего рот полицейского. – После увольнения позволил себе небольшой отпуск. Законом вроде бы это не возбраняется. Теперь решил устроиться на работу, потому что пенсия, пускай даже военная, не так велика, как нам бы хотелось. Показать документы?

– Покажите, – кивнул Чистяков, зачем-то открывая, а затем закрывая молнию на своей дерматиновой папочке. Капитан выглядел обескураженным. Судя по всему, он шёл по адресу, твёрдо уверенный, что встретит здесь махрового тунеядца, к тому же не брезгующего запоями, однако все его мысленные построения рушились, как карточный домик.

Пенсионное удостоверение Александра Петровича было в полном порядке. Маргарита Павловна, кадровичка, ответственная за пенсионеров, достаточно тяжело и долго болела коронавирусом, так что Латунин выписывал свои документы собственноручно.

– Всё понятно, – разочарованно протянул участковый, возвращая Петровичу документы, которые за пару минут успел тщательно изучить и обнюхать. Единственное – на зуб не попробовал. Сожаление об этой упущенной

возможности отчётливо сквозило в глазах полицейского, но не давать же ему в самом деле грызть официальные бумаги.

Латунин усмехнулся про себя собственной лихости, но уже буквально через секунду понял, что праздновал победу слишком рано.

– Александр Петрович, – уже предельно официальным тоном продолжил беседу участковый. – Я прибыл, чтобы опросить вас по поводу серии преступлений, связанных с исчезновением породистых кошек и котов в нашем микрорайоне.

Глава 5

Даниил

– Даниил Артёмович, кадры вернули ваш рапорт на отпуск!

Лист А4 медленно спланировал на стол, но Ревенькова не стала дожидаться окончания его плавного полёта и, долбя пол каблуками туфель, уже удалилась в другой конец кабинета.

«Сука», – привычно подумал про себя парень, не пытаясь, впрочем, озвучивать свои мысли. Анна Сергеевна наверняка догадывалась, что о ней думает коллега, но ни капельки не переживала по этому поводу. Иногда Даниилу казалось, что она искренне гордится тем, как о ней думают за глаза коллеги, причём не только мужчины, но и некоторые женщины. В любом случае Ревенькова ни на йоту не пыталась изменить своё поведение и продолжала гордо нести знамя твари в человеческом обличье.

Парень с тоской посмотрел на стандартный бланк рапорта с бесчисленным количеством виз и согласований и с тоской потянулся к служебному телефону. На том конце провода отозвались без промедлений.

– Жень, – грустно спросил Даниил, услышав знакомый голос. – Ну что у вас за обострение очередное?

Их кадровый куратор Женя, официально капитан Парамонов Евгений Сергеевич, был одним из последних живых воплощений оптимизма на государственном лайнере бюрократии. Судя по тому, что роста в кадровике насчитывалось едва ли сто шестьдесят пять сантиметров, а избыточного веса не водилось даже в теории, позитива в госслужбе оставалось всё меньше.

Однако даже плохие новости Женя умел сообщать исключительно радостным голосом, от которого казалось, что заканчивать жизнь самоубийством пока ещё рановато.

– Даня! – обрадовался Парамонов знакомому голосу. – Как дела? Ты какой-то грустный сегодня.

– Я всегда грустный, – на автомате парировал Даниил. – Особенно когда мой отпуск внезапно оказывается под угрозой. Почему мой рапорт вернули?

– Ах, это! – Фонтан эмоций никуда не исчез, а внутреннюю энергию кадровика можно было почувствовать даже через телефонную трубку. – Даня, у тебя в инструктаже по мерам безопасности Осетии не хватает.

– Чего не хватает? – В первую секунду Даниилу показалось, что он ослышался. – Зачем мне Осетия? Я вообще-то в Питер собираюсь ехать.

– Это неважно, – голос кадровика по-прежнему разливался ручейком дружелюбия. – Указиловка из центра пришла, теперь надо указывать, что ты предупреждён о запрете поездок в Абхазию и Южную Осетию.

– Так это заграница, нам и так туда нельзя, – искренне не понимал суть проблемы молодой человек.

– Даня, ну что я могу сделать, шеф эту строчку в рапортах теперь в первую очередь смотрит, – добавил отчаяния в голос кадровик, но прозвучало все равно фальшиво. – Там делов-то, заедешь к нам, мы рапорт перепечатаем, и все в ажуре будет.

– А потом мне ещё три дня на нем визы собирать, – тоскливо пробормотал Даниил, понимая, что спорить бесполезно. – Ладно, завтра постараюсь приехать.

– Отлично, – почти что прокричал на том конце провода Евгений. – Буду ждать!

Положив телефонную трубку, Даня спрятал лицо в ладонях и чуть было не застонал от нахлынувших эмоций. Вот именно в такие моменты и начинаешь ненавидеть государственную службу.

С одной стороны, бесконечное количество регламентов и инструкций значительно упрощает жизнь, особенно в тех случаях, когда человек, скажем так, не особенно умный. Всё уже придумано до нас, любой шаг и каждый чих давно прописан в каком-нибудь нормативном акте или наставлении.

А с другой… Мама дорогая, ну как же достала эта религия «всеобщей бюрократии» и её бесчисленные адепты. Периодически складывается ощущение, что эти люди в детстве мечтали стать не космонавтами, а контролёрами. Кадровики, финансисты, секретари…

Иногда Даниил ловил себя на мысли, что тратит на бессмысленную войну с бюрократами столько времени, что на основную работу уже и не остаётся ничего.

«Что я здесь делаю?» – тоскливо подумал молодой человек и непроизвольно горько усмехнулся. За последние несколько лет он столько раз задавался этим вопросом, что тот превратился в некую словесную мантру.

«Мне тридцать лет, в моём возрасте люди уже губернаторами становятся». – Следующая мысль тоже не была новой, но царапала душу всё с теми же противными ощущениями.

Казалось бы, произошедшая ситуация не отличалась какой-то неординарностью, подобные происшествия в их конторе случались с каждым с определенной степенью регулярности, но почему-то именно сегодня Даниила накрыло особенно остро. Неужели он хочет чего-то экстраординарного или запрещённого? Просто-напросто отправиться в законный отпуск, который, на секундочку, был спланирован его руководством ещё в прошлом году и обозначен в графике, этим же руководством радостно утверждённым.

Какая, к чертям собачьим, Осетия, да простят его великодушно жители этого прекрасного региона? Теперь из-за этого очередного изменения в установленной

форме инструктажа он бесплатно приобрёл целую тележку незапланированного геморроя. Ему надо отпрашиваться, ехать из Королёва в Москву, потому что кадры сидят там и к нему, такому красивому, естественно, не поедут. Получить новую форму рапорта, вернуться, завизировать рапорт у Гэндальфа, в том числе подписать у него же новую форму инструктажа, опять поехать в Москву, получить штампики об отсутствии задолженности перед секретариатом и ответственным за оружие, расписаться в журнале инструктажа по технике безопасности… Никому не кажется, что инструктажей слишком много?

Даниилу всегда казалось, что регламент убытия сотрудника в отпуск когда-то давно придумывал серийный сексуальный маньяк-неудачник. Насиловать и убивать он по какой-то причине боялся, а возможность самовыражения извращённой фантазии найти хотелось. Судя по всему, именно в период очередного жгучего обострения инструкция сама собой родилась.

Юноша был просто уверен, что, дописав сей гениальный документ до конца, маньяк-неудачник испытал самое большое удовольствие в жизни и окончательно отказался от половых контактов с женщинами. Они его больше не прельщали.

Ну какие, скажите на милость, у него могут быть долги перед центральным секретариатом, если он никогда в жизни не получал там документов?! Ну вот никаких, даже обёртку от туалетной бумаги «Радость»!

Или зачем нужна подпись ответственного за оружие, если за время службы пистолет Даниилу выдавали исключительно подержать на несколько минут в тире. Регулярно, спору нет, стрельбы для сотрудников центра организовывались ежеквартально, но личного или закреплённого оружия у юноши не было.

Приехал раз в три месяца на стрельбище, выстрелил шесть раз в сторону мишени, три пристрелочных, а затем три контрольных, и до свидания. Хорошо ещё, что Даниил умудрялся каждый раз в мишень попадать, а иногда и вовсе выбивать сплошные десятки, но иначе как чудом подобные результаты называть было бы ошибкой.

А вот подпись ответственного за оружие получить надо. Вдруг за последние три месяца что-то изменилось и ты теперь с автоматом под подушкой спишь. Ты-то наивный думал, что перья внутри в кучу сбились, оттого и жёстко, ан нет. Это автомат тебе в щеку упирается.

Теперь вот ещё и новая форма инструктажа по мерам безопасности. Даня от старой смеяться не разучился, но прогресс не стоит на месте.

«Сотрудник предупреждён об опасности купания в открытых водоёмах».

Когда-то бабушка что-то подобное говорила, провожая маленького Даньку на речку. «Утонешь – домой не возвращайся». Или, может быть, зря он так плохо думает об авторах инструктажа и записанное предложение добавляет сотрудникам процент плавучести? Не зря же в этой же самой бумажке написано об опасности катания на коньках? Причём, судя по всему, опасно кататься всё в тех же открытых водоёмах.

Диспансеризация, сдача дел, отметки в отпускном о прибытии и убытии… Бравый маньяк постарался от души и наверняка только что не родил сам себе сына в процессе написания инструкции. Да и не мог он родить человека, ибо рожал регламент убытия сотрудника в отпуск.

Самое интересное, что весь этот бесконечный калейдоскоп маразма ради двух несчастных недель мнимой свободы. Да-да, это не квест с итоговым призом в миллион долларов. Вся канитель задумана ради того, чтобы сотрудник минимум неделю потом пил исключительно крепкие алкогольные напитки, заливаясь крокодильими слезами счастья, что его всё-таки отпустили.

«Зачем это всё мне надо? С моими способностями вообще работать противопоказано», – продолжал терзать себя молодой человек, не убирая ладоней с лица и очень стараясь не заорать в полный голос от осознания окружающего идиотизма.

– Даниил Артёмович, вам плохо? Что-то случилось? – участливый голос прозвучал настолько неожиданно, что юноша даже непроизвольно вздрогнул и поднял взгляд на подошедшую женщину. Ревенькова смотрела на молодого человека с неподдельным испугом и участием. – Может быть, таблетка какая-то нужна?

Анна Сергеевна испытующе глядела на юношу, как будто пыталась увидеть что-то внутри Даниила и понять причину его переживаний.

«Иногда она даже бывает вполне себе нормальным человеком, – неожиданно для себя подумал Даниил. – Жаль только, что не так уж и часто».

– Всё в порядке, Анна Сергеевна, – криво улыбнулся Даниил. – Голова немного заболела. Сейчас пройдёт, спасибо вам большое.

Ревенькова в ответ только кивнула и ещё несколько секунд вглядывалась в лицо юноши, как будто хотела убедиться в том, что он её действительно не обманывает. Затем ещё раз кивнула и направилась к своему столу.

Даниил вздохнул и энергично потёр лицо руками. Минута слабости и эмоций закончилась, надо было двигаться дальше.

Хорошо ещё, что сегодня почти все коллеги отсутствуют, а то так быстро расспросы бы не закончились. Так-то в кабинете их сидит шестеро. По нынешним меркам всеобщей нехватки чего угодно в государственных конторах практически неплохо. По крайней мере, комната площадью в тридцать квадратных метров в отдельных курилках приравнивается к стадиону, а возможность отгородить себе шкафами и сейфами угол, как сделал Даниил, вообще позволяет заподозрить сотрудника в тяге к излишней роскоши.

Центр занимал здание, переделанное из какого-то производства, поэтому кабинетов было не очень много, но все они отличались большими размерами и высокими потолками. Вот и приходилось сидеть, где впятером, где вшестером, а где-то и всемером.

Поодиночке располагались только сотрудники из числа начальников, но их в центре насчитывалось всего несколько человек, так что их размещение в проблему не превратилось.

С другой стороны, в подобном положении дел находились даже некоторые плюсы. Например, аналитический отдел Даниила оказался собран в одной комнате, все шесть штатных единиц. В случае возникновения вопроса или просьбы о помощи от коллег даже не требовалось подниматься со стула. Можно было просто немного повысить голос – и все сразу в курсе происходящего.

Сидя в своём закутке за шкафами, Даня мог по полдня общаться с коллегами голосом, так и не увидев их лиц, что, впрочем, молодого человека вполне устраивало. По этому поводу даже достаточно неплохая песня есть, о физиономиях коллег и желании их лицезрения.

Однако гораздо больше юноша любил такие дни, как сегодня. Зинаида Павловна, специалист по африканскому континенту с внешностью весёлой старушки из детских сказок, уже третий день бюллетенила дома с невесть где подхваченной ангиной. Китаист Василий и американист Геннадий, ровесники Даниила, загорали в тёплых краях, находясь в отпуске. Анастасия Пална, требующая от всех, кроме руководства, чтобы её называли Палыч, собиралась в декрет и сегодня проходила какое-то очередное обследование. Если бы ещё и Ревенькова отсутствовала, то день в личной градации Даниила считался бы праздничным.

Малочисленность подразделения объяснялась важностью задач, стоящих перед сотрудниками, хотя с этим пунктом юноша мог бы и поспорить. Он вообще в последнее время крайне критически относился ко всему связанному со службой, регулярно задаваясь вопросом о сущности бытия и необходимости присутствия его сознания на работе.

Даниил вздохнул ещё раз, посмотрел на черное от кофейного налёта дно опустевшей чашки и потянулся к телефону. Идти к кофеварке было лень, а вот к Гэндальфу заглянуть придётся.

Михаил Иванович, начальник Дани и всего аналитического отдела, носил причудливую фамилию Серый, что наверняка ещё с детства становилось объектом различных шуточек и аналогий. У подчинённых благодаря фамилии достаточно быстро нашлось прозвище Гэндальф, тем более что внешность шефа вполне соответствовала киношному персонажу. Высокий и худой мужчина давно вплотную приблизился к шестидесятилетнему юбилею, но по-прежнему сохранял острый ум и превосходное чувство юмора.

Михаил Иванович никогда не ругался на подчинённых и всегда разговаривал тихим голосом, но собеседникам данное обстоятельство никогда не мешало слышать каждое его слово. Периодически Даня убеждал себя, что подобное умение наверняка результат какого-то мощного заклинания, но тут же понимал, что его предположения беспочвенны. Серый был материалистом до мозга костей и считал, что любое потустороннее явление поддаётся анализу путём логического обоснования.

Михаил Иванович встретил своего подчинённого сердечной улыбкой и жестом предложил садиться на стул возле стола.

– Даниил Артёмович, – поприветствовал юношу начальник. – Что-то случилось? Такое ощущение, что вы не выспались.

Обращение к сотрудникам только на вы было ещё одной чертой шефа, за которую Даниил его безмерно уважал. Казалось бы, мелочь, но в устах начальника она воспринималась как почётная награда. Юноша вздохнул и вывалил все свои треволнения по поводу отпуска, оказавшегося под угрозой.

– Неделя всего осталась, – жаловался Даня шефу, – а инструктаж этот в самый неподходящий момент свалился. И что теперь? Отпуск сдвигать из-за этой бюрократии?

– Всё, что Господь нам не посылает, призывает нас к смирению, – улыбнулся в ответ Михаил Иванович. Цитировать Святое Писание Серый буквально-таки обожал, причём умудрялся делать это ненавязчиво и всегда к месту. Впрочем, для Дани это служило лишь дополнительным аргументом того, что ни к каким колдовским силам шеф не имеет отношения. Сам он с религией не дружил, а с недавних пор вообще старался держаться от храмов и церквей подальше. – Если кадры от нас что-то требуют, то спорить, как правило, бесполезно. Единственное, что я в какой-то мере рад такому положению дел и попросил бы вас, Даниил Артёмович, всё-таки отложить свой отдых на пару недель.

Такого поворота юноша не ожидал, поэтому уставился на начальника непонимающим взглядом.

– Дело в том, что нам поручили подготовить срочный доклад для самого высокого руководства, – Серый указал пальцем куда-то в потолок. – А я в этом вопросе ни на кого больше положиться не могу. Так что я был бы очень признателен, если вы и правда перенесёте свой отпуск хотя бы на пару недель.

«Санька меня убьёт!» – промелькнуло в голове у Даниила, но отказывать Серому было бы непростительной глупостью. Шеф просил о чем-то подобном не так часто, и сейчас, судя по всему, ситуация действительно складывалась патовая.

Другой вопрос, что раз начальник решился пойти на такое предложение, то это значит, что работа и впрямь предстоит объёмная. При всех недостатках Даниила лучше него с большими массивами данных никто не работал, тем более что надо не просто вычленять из потока информации значимые моменты, а укладывать их

в цельную аналитическую картину. Даже Ревенькова, стиснув зубы, признавала в этом вопросе первенство юноши, хотя претендовать на самую лучшую во всём давно стало её жизненным кредо.

«Санька меня точно убьёт!» – вздохнул про себя Даня, улыбнувшись начальнику. Сестру его служебные перипетии вообще никогда не интересовали, а службу брата девушка воспринимала исключительно как помеху в реализации своих планов. Тоненькая, хрупкая девушка никогда не стеснялась руководить Даниилом, оставляя за скобками его старшинство по возрасту.

Впрочем, получив согласие Дани, Михаил Иванович немедленно заверил юношу, что родина его не забудет, а он со своей стороны обязательно компенсирует жертвы подчинённого внеплановыми отгулами.

«Свежо предание, но верится с трудом», – думал Даниил по дороге обратно в свой кабинет. Если посчитать, то подобных внеплановых отгулов за последние десять лет у него месяцев на шесть накопилось, вот только предоставлять их почему-то никто не торопится. То одна срочная и в то же время никому не нужная задача, то другая. Тут бы в отпуск законный уйти…

Глава 6

Отдел 15-К

– Жень, посмотри внимательно, – повторил Нифонтов. – Что ты видишь?

Мезенцева подошла ближе к монитору, вгляделась в происходящее на экране и задумчиво почесала курносый носик.

– Разговаривает с кем-то, – протянула она, не отрывая взгляд от монитора. – Думаешь, что наш уважаемый инженер с призраком беседует?

– Ну вряд ли сам с собой, – пожал плечами Нифонтов. – В любом случае либо призрак, либо ещё один клиент психиатров из этой лаборатории, что уже наводит на нехорошие мысли.

– Да нет, – вступил в разговор внимательно слушающий оперативников чекист. – Заместитель главного конструктора находится в полнейшем рассудке. Я сам с ним беседовал и доктора из медсанчасти приглашал. Он полностью осознает, кто он такой, где находится и прочие подобные вещи. А вот дальше начинается полнейшая чертовщина.

– Не надо так говорить, – с абсолютно серьёзным лицом заметила Дорохову Евгения. – Слово «чертовщина» вообще лучше убрать из лексикона и не поминать вслух разную нечисть. В данном случае, как я понимаю, произошло что-то непонятное, не имеющее объяснений.

Чекист удивлённо посмотрел на Мезенцеву, затем непроизвольно сглотнул и пробормотал что-то отдалённо похожее на извинения. Слова Женьки, сказанные предельно серьёзным тоном, произвели на Дорохова такое сильное впечатление, что он даже не заметил жеста Нифонтова, который сначала показал коллеге кулак, а затем повертел пальцем у виска.

– Сергей Михайлович, – чекист продолжал молчать, и Николай был вынужден прийти к нему на помощь. – Так что с этим конструктором? И когда была сделана эта запись?

Конкретные вопросы вывели безопасника из ступора, и взгляд, обращённый к Нифонтову, уже начинал светиться прежним огоньком деловитости и дисциплины.

– Ещё раз извините, – на этот раз уже более членораздельно произнёс Дорохов. – Я раньше как-то и не задумывался о значении некоторых привычных слов. Так вот, Глеб Викторович Арсеньев, заместитель главного конструктора, не производит впечатления сумасшедшего. Вместе с тем поверить в его рассказ тоже крайне затруднительно.

– Может быть, правильнее будет побеседовать с самим Глебом Викторовичем, – предложила Мезенцева. – Вы можете пригласить его сюда или отвести нас к нему в кабинет.

– Нет, – покачал головой безопасник. – Я счёл правильным изолировать его дома. Это не домашний арест, но и сеять панику в лаборатории я тоже никому не

позволю.

– Тогда поехали, – буквально подпрыгнула на месте Женька. – В любом случае без его рассказа дело с места не сдвинется.

– Зачем ехать? – удивился Дорохов. – Мы с ним вполне можем по видеосвязи переговорить. Тем более что у него дома установлен комплекс защищенной коммуникации. Сами понимаете, человек в возрасте, может и приболеть, а контроль за делами требуется постоянный.

– До чего техника дошла, – завистливо протянула Женька. – Это не мы с тобой, Коля, которые вынуждены чуть что сразу ножками топать. Вот это прогресс, вот это уровень.

Дорохов посмотрел на девушку с подозрением, видимо, подозревая в её словах сарказм или издёвку, но комментировать не стал, а молча достал из сейфа ноутбук и принялся настраивать подключение. Арсеньев на вызов отозвался практически сразу, как будто бы сидел у включённого компьютера и ждал, пока кто-нибудь захочет с ним поговорить.

– Сергей Михайлович! – чуть ли не закричал он, увидев на экране безопасника. – Как дела? Вы уже разобрались с тем полтергейстом, что мешает нам работать? Знаете, я тут подумал, а ведь он подсказал весьма здравую идею! Мне срочно необходимо на рабочее место, чтобы проверить её на стенде.

– Добрый день! – неторопливо ответил Дорохов, разворачивая ноутбук так, чтобы в поле зрения камеры попали оперативники отдела-15К. – С проверкой теорий надо будет ещё немного обождать, а что по поводу полтергейста, так вот… Познакомьтесь, Глеб Викторович! Это специалисты из Москвы, они хотят задать вам несколько вопросов как раз таки по поводу произошедшего. Капитан Нифонтов и старший лейтенант Мезенцева.

– Да сколько можно, – сразу как-то сник инженер. Его круглое лицо сморщилось, будто бы Арсеньев решил вот-вот заплакать. – Я же уже и вам, и доктору все не один раз рассказывал. В конце концов, это… явление… Оно же не несло ровно никакой угрозы. Оно просто желало быть услышанным.

– Как это не несло, – побагровел Дорохов. – А проект квартального отчёта? Там не осталось ни одной целой страницы! Всё изорвано или заляпано неведомой грязью!

– Вы не понимаете, Сергей Михайлович! – Арсеньев тоже раскраснелся и начал говорить ещё быстрее, буквально выплёвывая слова со скоростью пулемёта. – Оно просто хотело обратить на себя внимание. Предложенный им принцип сохранения тепловой энергии…

– Извините, что прерываю, Глеб Викторович, – вмешался в перепалку Николай, понимая, что учёного сейчас унесёт в дебри теоретических изысканий. – Но даже если встреченный вами призрак и правда прекрасно разбирается в конструировании ракет, то это не значит, что он абсолютно безопасен. Подобная публика отличается крайней непредсказуемостью в поступках и никогда не задумывается о последствиях. Сегодня он вам отчёт испортил, а завтра и придушить может, если решит, что вы слушаете его недостаточно внимательно.

– В смысле придушить? – недоуменно поднял брови инженер. – За что?

– За науку! – вставила свои пять копеек Мезенцева. – Призраки не всегда ведут научные дискуссии по общепринятым правилам. Ваш новый знакомый… Он что-нибудь говорил о себе? Может быть, рассказал, кто он такой или почему появился в вашем кабинете?

– Он представился, – теперь голос Арсеньева стал тихим и каким-то осипшим. – Я не запомнил фамилию, только имя-отчество. Геннадий Степанович. Понимаете, я вообще очень удивился, когда он возник в моем кабинете. У меня магнитный замок, который открывается с кнопки, и без звонка в кабинет посторонние войти не могут. Я пришёл на работу, решил ещё раз перечитать квартальный отчёт о проведённых исследованиях и обнаружил, что он безнадёжно испорчен. А когда я решил, что это чья-то злая шутка, то вот тут и появился этот человек.

– Как он выглядел? – спросил Нифонтов, едва уловив паузу в рассказе инженера.

– Да обыкновенно, – пожал плечами Арсеньев. – Мужчина средних лет, лицо обычное, рост тоже. Я только удивился, что он был в халате. Знаете, когда-то давно существовало такое правило, что научные сотрудники в лабораториях должны облачаться непременно в халаты. Так уже давно никто не ходит, а этот

мужчина был в нем.

– Хорошо, – кивнул Нифонтов. – И о чем вы с ним говорили?

– Он сказал, что в нашем отчёте сплошной антинаучный бред, – потускнел инженер. – Говорил про какую-то шарашку, что меня даже туда бы не взяли с таким узким и негибким подходом к решению научных проблем. А потом начал рассказывать свою гипотезу сохранения тепловой энергии. И знаете, очень небезынтересную теорию. Многие положения, конечно, требуют проверки, но вместе с тем… Вместе с тем… Знаете…

– Глеб Викторович, – поднял перед собой руки Нифонтов. – Я не силен в науке, всё, о чем вы сейчас пытаетесь мне рассказать, для меня тёмный лес, если не сказать больше. Меня интересует только призрак.

– Ну а что вы тогда хотите от меня услышать? – внезапно рассердился инженер. – Призрак как призрак. Я, если честно, материалист и обычно с подобными сущностями не общаюсь. Тут как-то всё достаточно необычно вышло, спонтанно, что ли… Тем более что Геннадий Степанович затронул проблему, над которой лаборатория безуспешно бьётся уже очень долгое время. Видите ли, молодой человек…

– Стоп, – снова поднял перед собой ладони Нифонтов. – Я понял, что проблема крайне важная и актуальная, но поверьте, лично для меня этого знания вполне достаточно.

– Глеб Викторович, – не выдержал научного энтузиазма инженера Дорохов. – Хватит нам мозги пудрить государственными секретами. Сколько раз можно предупреждать, что разглашение посторонним любых нюансов деятельности вашей лаборатории – подсудное дело. Вы опять за своё?

– Вообще-то, Сергей Михайлович, этих людей рекомендовали лично вы! – обиделся Арсеньев. – Так что надо было предупредить, что со мной беседуют не сотрудники государственных структур, а посторонние с улицы! Тогда бы я и вёл себя в соответствии с вашими установками. Изображал дебила и отвечал междометиями! Так, по-моему, вы нас инструктировали себя вести на последнем инструктаже?

Дорохов смущённо покраснел и кинул быстрый взгляд на оперативников, но всё равно и не подумал идти на попятную.

– Я вызвал вас на разговор по поводу происшествия в лаборатории, а не на научный диспут по работе лаборатории, – строго ответил он инженеру. – Так что не надо ёрничать и обижаться на меня за то, что я просто делаю свою работу. И про инструктаж вспоминать не надо! Я же не виноват, что ваши подчинённые – как дети малые. Стоит кому-нибудь восхититься их научными достижениями, так у них сразу же словесный водопад начинается. Или вам конкретные случаи напомнить?

На эту отповедь чекиста Арсеньеву, видимо, ответить оказалось нечем. Люди науки, как правило, тщеславны по определению и легко поддаются даже грубой лести, если она связана не с ними лично, а с результатами их работы. Буквально парочка в нужную минуту сказанных фраз – и заслуженный доктор наук уже, как ребёнок, взахлёб рассказывает о результатах последних экспериментов.

Так что, по большому счету, Дорохов прав, и инженер был вынужден признать это. Когда имеешь дело с государственными секретами, лучше как можно больше молчать. Знающие люди могут сделать далеко идущие выводы даже по случайным обмолвкам.

– Глеб Викторович, – снова вступил в беседу Нифонтов. – Спасибо вам огромное за помощь. Если вам нечего добавить, то мы, пожалуй, попробуем познакомиться с вашим призраком лично.

– Он не мой, – сварливо отозвался Арсеньев. – Хотя признаюсь честно, я не отказался бы от такого сотрудника в лаборатории. Всего хорошего, молодые люди. Рад был познакомиться.

– Подождите, – внезапно встрепенулась Мезенцева, стоявшая весь разговор за плечом Нифонтова и не произнёсшая до сих пор не звука. – Глеб Викторович, один вопрос.

– Слушаю вас, милая девушка, – приосанился инженер.

– А вот этот призрак, – Женьке явно не хватало слов, и она отчаянно пыталась заменить их жестикуляцией. Видимо, вопрос в её голове возник в самый

последний момент и ещё не успел оформиться окончательно. – Вот вы с ним поговорили, он вам рассказал что-то, а потом? Как вы расстались? Вы ушли или он исчез первым? И если да, то как исчез?

– Хм, – на секунду задумался Арсеньев. – А ведь и правда, это произошло достаточно необычно. Вернее внезапно. Знаете, этот Геннадий Степанович… Он как будто бы вспомнил что-то! Понимаете, он появился из ниоткуда, когда я пытался понять, что за неприятность произошла с отчётом. Ну вот просто возник посреди комнаты и с ходу начал выговаривать мне, что мы неправильно ведём наши исследования. Я, признаться честно, когда немного испуг прошёл, даже конспектировать пытался его мысли, уж очень мне любопытными показались. А потом он как будто бы вспомнил что-то. Он так странно похлопал себя по бокам, а потом говорит: «Короче, некогда мне тут с тобой, неизвестно, надолго ли это, надо ещё родные места посмотреть». И исчез! Вот так вот одномоментно, как будто бы в воздухе растворился!

– Спасибо огромное, – искренне поблагодарила инженера о чем-то задумавшаяся девушка. – Вы нам очень помогли!

Нифонтов удивлённо посмотрел на коллегу, но благоразумно молчал всё то время, пока Дорохов прощался с Арсеньевым и завершал видеосвязь.

– Ну и что вы скажете? – нетерпеливо поинтересовался безопасник, выключив ноутбук для видеосвязи и отодвинув его на край стола. – Есть шанс поймать этого призрака?

– Да тут скорее не поймать, – протянула Женька. – Его надо просто обратно отправить.

– Кажется, я твою мысль понял, – согласился с ней Николай. – Думаешь, этого изобретателя случайно потревожили?

– Ну ты же сам всё слышал, – пожала плечами девушка. – Шарашка, надолго ли это… Мне кажется, что Сергей Михайлович должен был уже давным-давно всё понять и даже послать запросы в соответствующие организации.

Несмотря на столь прозрачный намёк, Дорохов ни капельки не смутился.

– Вы, Евгения, слишком хорошего мнения об организации, которую я представляю, – грустно усмехнулся чекист, потирая ладонью плечо. – Я прекрасно знаю, что такое шарашка, но выяснить, был ли среди заключённых человек с именем Геннадий Степанович, так быстро не могу. Да и не хочу, если честно. Надо исписать тонну бумаги, а результат, скорей всего, будет банальным. Был, умер, похоронен. Разве не так?

– Подождите-подождите! – возмутился Нифонтов. – Все в курсе, и я один получаюсь неграмотный. Давайте-ка поподробнее. Что за шарашка?

– Во время войны многих учёных арестовали и заставили работать вместе под угрозой расстрела. А поскольку ценные для страны открытия делались бесплатно, то и назвали это место шарашкой, – со смехом объяснила Николаю Женька. – Сергей Михайлович, я же всё правильно говорю?

– Нет, неправильно, – насупился чекист. – Я бы даже сказал, абсолютно неправильно. Вам бы, девушка, надо поменьше гадости в интернете читать и больше историей из авторитетных источников интересоваться, раз уж вы такая любознательная.

– А я, кстати, интересовалась, – мгновенно «завелась» Женька. – Арестовывали учёных, а потом свозили в спецтюрьмы, где они работали просто так. Что из этого неправда?

– Смотря под каким соусом подавать, – повысил в ответ голос Дорохов. – Для многих эти шарашки спасением стали. Я не историк и не архивариус, поэтому разбираться, кого и за что арестовали, не обязан. Времена были другие, и хорошо, что они закончились. Только многих в те времена расстреливали без суда и следствия, других на лесоповале до смерти доводили, а в шарашке у людей была возможность заниматься любимым делом. Причём, заметьте, достаточно хорошо заниматься. А голодный человек ракету не построит, так что и кормили учёных, и поили по высшему разряду. Ну, по крайней мере, насколько это было возможно.

– То есть вариант, что людей можно было просто не арестовывать, вы не рассматриваете? – продолжала кипятиться Женька.

– Я? Нет! – От волнения у чекиста запульсировала жилка на виске, и Нифонтов испугался, что Дорохова сейчас прямо здесь удар хватит. – Я живу в своё время и не собираюсь обсуждать, как было правильно жить в прошлом.

Женька открыла было рот для продолжения спора, но Николай предусмотрительно наступил ей на ногу, и девушка затихла. В конце концов, от этого спора действительно не было никакого толка. Дорохов явно тоже не стремился к продолжению дискуссии, поэтому просто смотрел на Нифонтова, признавая за ним право задавать вопросы.

– Так, – тоном третейского судьи воспользовался окончанием спора оперативник. – Допустим, этот Геннадий Степанович с шарашки. Но что его с этим местом связывает? И это никак не объясняет, почему его призрак появился именно сейчас.

– Ну, первый вопрос, наверное, понятен, – с сомнением в голосе протянул Дорохов. – В болшевской шарашке трудилось много специалистов, которые потом вплотную занимались покорением космоса. За примерами далеко ходить не надо, в этой шарашке сам Королёв провёл какое-то время. Скорей всего, этот неизвестный Геннадий Степанович тоже был учёным схожего профиля. А вот там он умер или потом работал в каком-нибудь из соседних кабинетов, это уже загадка.

– Понятненько, – почесал затылок Николай. – Ну, значит, план остаётся прежним. Пытаемся сделать так, чтобы призрак появился в кабинете Арсеньева ещё раз.

Глава 7

Даниил

Ночь, улица, фонарь, аптека! Безжизненный и тусклый свет…[1 - Александр Блок.]

Данила знал как минимум три варианта переделки этого стихотворения, но всё равно безмерно уважал оригинал. Простые на первый взгляд строчки

ассоциировались у молодого человека с чем-то не просто гениальным, а величайшим, стоящим над всей остальной поэзией с момента сотворения мира.

Иногда ему даже казалось, что простой смертный был бы не в состоянии написать настолько пронзительное и глубокое по задумке произведение. Несомненно, Блоку помогло озарение свыше. Буквы превратились в слова, а слова – в строки именно в тот момент, когда поэт осознал что-то особенное, лежащее за пределами человеческого восприятия.

Эта ночь обещала стать очень долгой. Спать хотелось неимоверно, причём слипаться глаза начали ещё на работе. Увидев Даньку с четвертой подряд кружкой свежезаваренного кофе, Ревенькова округлила глаза и попыталась прочитать лекцию о пользе здорового образа жизни, но быстро поняла, что выбрала не самый удачный момент для нотаций. Все её слова даже не пытались задержаться в голове Даниила, а просто пролетали мимо, как мухи мимо фумигатора.

После работы Данька пошёл домой, но очень быстро понял, что из квартиры надо выбираться. Любая попытка хотя бы присесть заканчивалась тем, что сон накатывал со страшной силой и веки сами собой начинали слипаться. Не помогали ни холодный душ, ни очередная порция крепчайшего кофе.

Данька пешком дошёл до гипермаркета «Глобус», радуясь про себя пронзительному осеннему ветру. От холода сон немного отступил, а включившиеся фонари кое-как разгоняли дремотный полумрак.

«Наверное, это старость, – с улыбкой подумал Даниил. – Раньше я бы и не расстроился перспективе не спать два дня подряд, а сейчас уже почти на последнем дыхании».

Пара банок энергетика оставила во рту неприятный привкус, но не принесла желаемого облегчения. С каждым шагом веки становились всё тяжелее, но Данька стиснул зубы и не сдавался. В какой-то момент глаза начали закрываться прямо на ходу, но он тут же споткнулся и едва не растянулся носом на асфальте.

От неожиданности Даниил расхохотался во всё горло, и вместе со смехом из тела уходили напряжение и сонливость.

– Эй, уважаемый! – Прохожих на площади перед гипермаркетом не наблюдалось, а вот полиция всегда на посту. Притормозивший УАЗ Патриот характерной расцветки осветился бело-голубым сиянием мигалки, а из окна на Даниила настороженно смотрели две пары глаз. – Всё в порядке?

– Ребята, всё прекрасно, – продолжал улыбаться юноша, отходя от приступа хохота. – Просто анекдот вспомнил.

– Анекдот? – недоверчиво протянул патрульный, сидевший на пассажирском сиденье. Недоверчиво оглянулся на напарника, а затем всё-таки открыл дверцу и вылез на улицу. – Может быть, тогда и документы предъявим?

Даниил пожал плечами, а затем полез в карман за удостоверением военнослужащего. Ожидавший увидеть паспорт, полицейский недоверчиво хмыкнул, а затем сноровисто пролистал страницы.

– Извините, товарищ майор, – решился в конце концов патрульный сделать замечание. – Ночь, центр города, а вы хохочете, словно пьяный или вообще наркоман какой-то. Подозрительно…

– Старшина, извини, – через силу растянул губы в улыбке Даниил. – Говорю же, анекдот вспомнил.

Патрульный ему явно не поверил, но и причин задерживать просто смеющегося человека никак не находилось. Полиция не очень любила связываться с военными, арестовывать их нельзя, надо возиться с бумажками и передавать в военную прокуратуру. Короче, никакого навара, сплошные неприятности.

Даниил проводил взглядом патрульный джип и поёжился. Всё-таки не июнь месяц, да и куртку он надел тонкую, явно не по погоде. Происшествие помогло взбодриться, хотя время продолжало тянуться безумно медленно. До утра оставалось ещё несколько долгих, бесконечно долгих часов.

Несколько раз звонила Санька, но желания разговаривать с ней не было абсолютно. Он знал, что не сумеет удержаться и обязательно расскажет сестре, что произошло ночью, и крупно сомневался, что реакция окажется положительной.

Во-первых, девушка терпеть не могла, когда кто-то пытается решить её проблемы, а во-вторых, факт столкновения с богиней заставит Саньку суетиться и поднимать волну, которой парню абсолютно не хотелось.

Предугадать, что именно она будет делать, тоже несложно. Конечно же, побежит к бабуле. Санькина вера в то, что воспитавшая их ведьма способна решить практически любую проблему, была незыблемой, и поколебать её не могли никакие происшествия.

Даниил же впутывать в происходящее бабулю не хотел. Причём, покопавшись в своих чувствах и ощущениях, быстро понял почему. Ему было стыдно признавать, что бабушка в очередной раз оказалась права. Она много раз предупреждала, что хождение по снам обязательно закончится плохо, и вот сейчас жизнь подкинула наглядное подтверждение.

А может быть, это не жизнь, а богиня Макошь, что прядёт нити человеческих судеб? В детстве Даня часто слышал легенду, что каждый неправильный поступок завязывается узелком на этой нитке и грозит её разорвать совсем. Почему-то мысль о богине отозвалась где-то внутри неприятным ощущением.

В детстве рассказы бабули о старых богах казались всего лишь сказками, но потом, взрослея, Даниил постарался как можно больше отдалиться от стороны бытия. Отчасти потому, что не до конца понимал её, отчасти потому, что её не понимали окружающие.

Но сейчас забытое прошлое накрывало парня с головой, и он никак не мог разобраться, что именно нужно делать. Ему хотелось поговорить, но не с Санькой или бабушкой, а с кем-то другим.

«Кем-то», – фыркнул про себя Данила.

Нет уж, в эту ночь он мечтал о беседе с совершенно конкретным человеком, хотя и сомневался, что это желание взаимно. Два часа ночи, самое время сходить в аптеку.

Круглосуточная на углу Леонова и Блюхера была не самой ближней к Данькиной квартире, но именно ради Насти парень стал здесь достаточно частым гостем. Девушка лет тридцати с русыми волосами до плеч всегда улыбалась Даниилу

как-то особенно, по крайней мере, юноша верил, что никому другому она так и не собирается улыбаться.

Данька не любил громких слов, поэтому никогда не задумывался, что такое любовь и насколько сильна его симпатия к девушке. Он просто признался самому себе, что, когда он увидел Настю, жизнь разделилась на до и после. После… После того как он впервые увидел Настю, в его существовании появился смысл.

Он увидел её за прилавком два месяца назад и оказался настолько поражён её красотой, что даже забыл, зачем пришёл в аптеку. Именно тогда Настя и улыбнулась ему в первый раз.

– Если вы забыли, как называется лекарство, – услышал Даниил чарующий голос, – то, может быть, расскажете, что у вас болит?

К моменту окончания фразы болеть перестало всё, хотя буквально минуту назад он сморкался в огромный носовой платок и мечтал о леденцах для саднящего горла. Жаль только, что чарующий эффект лишил его смелости и позвать на свидание девушку он так и не решился.

Даня пробормотал в ответ какую-то нелепицу и благополучно смылся из аптеки на свежий воздух, чтобы продышаться и понять, что прекрасный ангел в халате провизора ему не почудился.

В тот вечер Даня ходил кругами вокруг аптеки, уговаривая себя набраться смелости и всё-таки познакомиться с девушкой поближе, но в результате только окончательно простыл и свалился с жесточайшим гриппом. Санька по этому поводу долго удивлялась: как правило, все болезни обходили их стороной, а тут и температура в тридцать девять градусов, и озноб, и кашель с соплями.

Данька мечтал, что однажды дверь отворится и на пороге возникнет Анастасия со своей чудодейственной улыбкой. Где-то внутри парня сидело глубокое убеждение, что простое появление девушки вылечит его не хуже самых сильнодействующих препаратов. Однако мечты оставались мечтами, а от гриппа его избавила бабушкина настойка.

Санька не преминула пожаловаться на непутевость брата, поэтому пришлось пить переданный старухой горький отвар неизвестного происхождения. От едко пахнущего напитка воняло болотом и крысами, но деваться было некуда. Правды ради – болезнь отступила чуть ли не после первого глотка, но это не значило, что надо отказываться от своей мечты.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Александр Блок.

Купить: https://tellnovel.com/pryadeev_evgeniy/spyaschie-sekrety

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити